

Малавита-2

Автор:

Тонино Бенаквиста

Малавита-2

Тонино Бенаквиста

Малавита #2

Роман Т. Бенаквисты «Малавита-2» – продолжение парадоксальных приключений одного необычного американского семейства. Как и в первой книге, чета Блейк и их дети в очередной раз скрываются от преследования гангстеров в небольшом французском городке. Глава семьи Фред, скучающий гангстер в отставке, по настоянию издателя вновь берется за перо... Подросшие дети Блейков сталкиваются с непростыми проблемами, любовными и не только...

Тонино Бенаквиста выстраивает невероятную интригу, от неожиданных поворотов которой у читателя перехватывает дыхание. Писателю удается создать фантастическое по нарастанию переживаний повествование, великолепный психологический детектив с рафинированным интеллектуальным подтекстом.

Тонино Бенаквиста

Малавита-2

© С. Васильева, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)
(<http://www.litres.ru/>)

* * *

С мыслями о Клер и о Флоранс.

А также о Вестлейке, доне всех донов

1

Американский писатель Фредерик Уэйн никогда не был большим специалистом по несчастью. Самому ему пришлось повстречаться с ним лишь однажды, но это было в другой жизни.

В то утро у стойки быстро он подслушал разговор двух дам, зашедших выпить кофе со сливками по дороге с рынка. Одна из них жаловалась на мужа, который стал «похаживать на сторону». У нее были доказательства, и она очень переживала по этому поводу. Фред, всегда с интересом относившийся к новым оборотам речи, попытался перевести это «похаживать на сторону» на английский. Не найдя точного эквивалента, он стал вертеть слова и так и этак,

менять их местами, потом сосредоточился на этом «на сторону», в котором чувствовалось нечто темное и неприятное... С момента своего открытия дама стала замечать, будто муж снова пытается с ней сблизиться, это был труднообъяснимый, но вполне реальный факт: он снова стал к ней внимателен; к тому же он по-прежнему оставался тем, в кого она была без памяти влюблена семнадцать лет назад. Все эти обстоятельства раздирали ей душу. «Не было бы счастья, да несчастье помогло», – подвела итог ее рассказу приятельница, чтобы соответствовать своей роли доверенного лица.

Наслаждаясь мягкостью этого январского дня, Фред поднялся обратно к деревушке Мазенк, где на склоне холма над садами и лавандовыми полями прованского Дрома[1 - Дром – департамент на юго-востоке Франции, в регионе Рона-Альпы.] возвышалась его вилла. Он выложил покупки на кухонный стол и, чтобы не забыть, сразу записал в настенном блокноте: «Не было бы счастья, да несчастье помогло = A blessing in disguise?»

Расстроившись, что не нашел ничего лучше, он взялся за самую поговорку и попытался опровергнуть эту народную мудрость. Какое счастье может вытекать из несчастья, не считая приобретенного опыта, конечно? Порадоваться, что ли, за эту женщину, переживающую рецидив семейного счастья, или, наоборот, пожалеть, что ее муж оказался настолько глупым, дав себя застукать? Или, что еще хуже, приполз к ней, поджав хвост, и во всем признался? Тут снова проявилось глубокое презрение Фреда к любому раскаянию. Если он и обманывал Мэгги, свою жену, то всегда старался соблюсти приличия, чтобы сохранить это в тайне и избавить ее от страданий. Даже когда однажды она получила доказательство его измены, ему удалось сочинить историю не менее экстравагантную, чем его романы, в которую она поверила.

Что же до его романов, это были скорее чуть видоизмененные мемуары. Еще раньше, до того как Фред вступил в схватку с белым листом бумаги, он слышал, что американские писатели до начала своей литературной карьеры успевали просто пожить; обычно они не происходили из образованных семей и прежде набирались жизненного опыта, а уж потом приступали к грандиозным литературным фрескам, в которых их собственная жизнь переплеталась с жизнью страны. Охотники, частные детективы, гонщики, боксеры, военные репортеры – в один прекрасный день все они решали, что пройденный ими путь заслуживает всеобщего внимания. Так что Фредерик Уэйн полностью вписывался в этот процесс, который узаконивал его в качестве писателя. Ибо Фред не всегда носил имя Фредерика Уэйна. Пятьдесят лет назад в штате Нью-Джерси он

впервые увидел свет под именем Джованни Манцони, сына Чезаре Манцони и Амелии Фьоре, которые, в свою очередь, были детьми сицилийских иммигрантов. Все они весьма преуспели в лоне семейной традиции, покрывшей позором золотой век Соединенных Штатов Америки. Джованни Манцони был прямым и законным наследником коза ностры, называемой также «Онората сочъета» или «Малавита», – империи, более распространенное имя которой вызывало неприязнь даже у людей, имевших к ней непосредственное отношение: мафия.

С тех пор само понятие несчастья связывалось в голове юного Манцони главным образом с несчастьем других. Чужое, оно годилось только для одного: приносить выгоду. Еще мальчишкой он прошел все этапы классического пути *wiseguys* – «солдата мафии». В одиннадцать лет он организовал свою первую банду, в двенадцать – заработал свои первые доллары, в четырнадцать – впервые попал за решетку, а по достижении совершеннолетия отсидел свой первый срок – эти три месяца до сих пор оставались для него самым прекрасным воспоминанием, не имеющим ничего общего с несчастьем. Изрядно поднаторев в рэкете, устранении свидетелей, запугивании конкурентов, ростовщичестве, сутенерстве и вооруженных налетах, он был объявлен капо – главой клана.

При его способностях Джованни должен был бы стать абсолютным властителем мафиозной империи, капо ди тутти капи – «боссом боссов», если бы прискорбный случай не заставил его в корне пересмотреть всю свою жизнь. В результате войны между двумя преступными группировками Нью-Джерси ФБР поставило его перед выбором: предать собратьев по оружию или провести остаток жизни за решеткой.

«Уитсек» – федеральная программа по защите свидетелей – гарантировала ему новую жизнь под новым именем и на новом месте. Жена с чувством огромного облегчения увидела в этом единственный шанс обеспечить детям – девятилетней девочке по имени Бэль и шестилетнему сыну Уоррену – благопристойное детство и будущее вне организованной преступности. Давая показания, Манцони заложил трех крестных отцов ЛКН[2 - От ит. *La Cosa Nostra* – сокращение, принятое в ФБР для обозначения мафии. (Примеч. автора.)] и пять-шесть их непосредственных подручных и телохранителей. Чтобы сократить свои сроки, некоторые из них сдали других членов братства, и эта цепная реакция привела к аресту в общей сложности пятидесяти одного человека.

Чтобы избежать мести мафиозных семей, объявивших за его голову цену в двадцать миллионов долларов, Джованни, пользуясь высокой защитой ФБР,

несколько раз переезжал с места на место в Соединенных Штатах, а затем был переселен во Францию, где за последние десять лет его окончательно позабыли. Сегодня приставленный к нему штат наружной слежки исчислялся одним агентом, который наблюдал за ним самим и контролировал его связи. Таким образом, Манцони стал одним из самых знаменитых раскаявшихся преступников в мире, наряду с Генри Хиллом, находившимся под защитой ФБР с 1978 года, и с ужасным Толстяком Уилли.

Сильный своим прошлым, он продолжал теперь традиции американских искателей приключений, которые, достигнув зрелости, считали себя обязанными поведать о своих подвигах миру. Вечерами, пребывая в глубоком умиротворении, он позволял себе думать, что судьба привела ему родиться в семье гангстеров единственно для того, чтобы позже он стал писателем. В таком случае – в его случае – он вполне мог поставить свою подпись под этой народной мудростью: не было бы счастья, да несчастье помогло. Не имея возможности публиковаться под именем Фреда Уэйна и тем более Джованни Манцони, он выпустил «Кровь и доллары» и, позже, «Империю тьмы» под псевдонимом Ласло Прайор.

Сразу после обеда он уселся за письменный стол и начал новую главу своего следующего опуса с анекдота про одного из своих духовных учителей, Альфонсо Капоне. Он считал необходимым время от времени возвращаться к учению древних.

Капоне всегда носил в кармане горсть сырых макарон. Когда переговоры заходили в тупик, он ломал их между пальцев, и этот хруст должен был ассоциироваться у его собеседника с хрустом его позвонков в случае, если он не подчинится требованиям.

* * *

Распростившись с жизнью жены гангстера и желая искупить свою вину перед Богом, Мэгги приняла на себя заботы об обездоленных. Она перепробовала все: благотворительные фонды, районные ассоциации, комитеты помощи, – и чуть не записалась в какую-то неправительственную организацию, борющуюся с голодом во всем мире. Мэгги довела свое самопожертвование до религиозного

экстаза и уже представляла себе день, когда ей простится, что она была Ливией Манцони, первой леди организованной преступности. Другие общественники, почитавшие ее святой, считали, что с таким рвением ее надолго не хватит. Сама же Мэгги должна была признать: протягивая руку помощи обездоленным, она больше просила, нежели давала.

По жестокой иронии судьбы ее мужу удалось создать себе будущее, основанное на ужасе прошлого. Каждое утро он исчезал в пустой комнате, которую называл своим кабинетом, и работал там над тем, что называл романом. Она презирала это писательство мужа, находя его еще более жалким, чем мафиозная деятельность. Однако, не признаваясь себе в этом, она завидовала его вере в новое призвание, завидовала тому, как он ухитряется жить новой жизнью, – это он-то, никогда не отличавшийся особой смекалкой.

Мэгги считала, что каждый на земле наделен талантом и талант этот следует употребить на благо как можно большего числа людей. У некоторых он проявлялся сам собой, наиболее смелые жили им, но для многих самым трудным было открыть его в себе любимом. Что такое талант? Страсть, постоянно присутствующая в жизни, но ни разу не реализованная? Старая, позабытая мечта? Некий огромный дар, дожидющийся зрелости, чтобы наконец проявиться? Хобби, которое совершенно напрасно не принимается всерьез? Способности, пользу от которых видят лишь самые близкие?

Мэгги не ощущала в себе художника и считала себя скорее простой труженицей, терпением и трудом достигающей определенного совершенства. Забросив свою благотворительность, она стала искать подвига в повседневной жизни, в досуге и даже в домашнем хозяйстве. Так продолжалось до этого воскресного обеда, когда на нее снизошло озарение.

Желая отблагодарить соседей за небольшую услугу, Мэгги не пожалела сил. Настало время основного блюда, и ее маленькая семья не смогла отказать себе в удовольствии объявить о нем особо. Фред сказал, что, женившись на Мэгги из-за ее красоты, он остался с ней только из-за ее меланчане алла пармиджана[3 - Баклажаны по-пармски (ит.)]. Бэль предупредила: «Вот увидите, это что-то!» А Уоррен, для которого на свете не было ничего тоскливее таких посиделок, в момент подачи баклажанов все же явился к столу. Вынужденные таким образом заранее признать блюдо божественным, гости тем не менее и сами были покорены этим вихрем неведомых вкусов, созданным сплошными контрастами и соединявшим фруктовые, пикантные и мягкие оттенки в тонкую алхимию.

– Мэгги, я не только никогда не пробовал ничего подобного, – сказал сосед, – но и вряд ли когда-либо еще попробую.

– Этьен, не говорите так в присутствии вашей супруги.

– А я полностью с ним согласна, – добавила его жена. – Мой отец был поваром у Лепаж в Лионе. И мне сейчас очень хочется, чтобы он еще был с нами и мог бы попробовать ваши баклажаны.

Мэгги знала, сколько страстей разгоралось в разное время из-за ее меланцане алла пармиджана, сколько мафиози готовы были плюнуть в спагетти собственной матушки ради одной порции ее баклажанов. Сам Беччегато, ресторатор кланов Манцони, Пользинелли и Галлоне, попробовав баклажаны Мэгги, вычеркнул пармиджана из своего меню. Он бы расшибся в лепешку, лишь бы узнать ее секрет, но никакого секрета не было, все ингредиенты были известны, рецепт тоже; и лишь рука мастерицы могла сотворить из них этот восхитительный хаос вкусов. Вообще-то, Мэгги готовила ничуть не лучше других хозяек, она не пользовалась кулинарными книгами, редко импровизировала и не слишком владела искусством употреблять в дело всякие остатки. Она предпочитала освоить как следует два-три блюда, которые пользовались неизменным успехом у ее домашних, и таким образом за несколько лет достигла исключительного мастерства.

Зачем ломиться в открытую дверь, желать большего, чем имеешь? Участь святой ей явно не уготована, да и престарелой благотворительницей она себя в будущем не видела, так почему бы ей не применить свой единственный талант, почему не поделиться им с другими? Решится ли она, перешагнув пятидесятилетний рубеж, понизить планку, отречься от своего стремления к благим делам, унять свою неумную энергию, способную двигать горы, позабыть о своем желании потрясти Господа Бога, чтобы привлечь на себя Его милость?

* * *

Волшебных сказок не бывает – это должны знать даже феи. Сколько раз родители Бэль повторяли ей эти слова. Тем самым они хотели сказать, что, несмотря на сказочную фигурку и ангельское личико, жизнь не будет ее щадить больше, чем других, – возможно, даже меньше.

Бэль[4 - Belle – красивая (фр.).] – Красавица. Она всегда была такой. Еще дома, в Ньюарке, до их вынужденного бегства, все соседи и друзья отмечали, что дочка Манцони своей грацией и красотой походит на Мадонну даже больше, чем их собственные дочери. «Снимайте ее в рекламе! Пусть участвует в конкурсе на Мини-мисс!»

Бэль не успела пройти через такие испытания: детство принцессы разрушили свидетельские показания отца в ходе «Процесса пяти семей». Манцони были помещены в карантин, обречены на тайное существование и вечные скитания. Чтобы вновь явиться миру во всей красе, Бэль пришлось дожидаться переезда во Францию. К счастью, ей удалось сохранить в неприкосновенности свою свежесть и непосредственность, она по-прежнему интересовалась другими и не осуждала отца за тот крестный путь, который всем им пришлось пройти по его милости.

Теперь она уже покинула программу «Уитсек», обрела независимость и зажила как обыкновенная молодая женщина. Но хотела она того или нет, Бэль не была как все. Она жила в Париже, в маленькой меблированной квартирке на улице Асса, которую собиралась покинуть, лишь закончив свою учебу на психолога. «Почему психолог?» – спросила ее как-то мать и получила на свой вопрос соответствующий ответ: «Учитывая многообразие стрессов и нервных потрясений, пережитых мной с самого детства, я решила, что теоретические знания укрепят уже имеющуюся у меня практическую базу». Бэль не принимала от родителей никакой помощи и первое время не желала зарабатывать ни копейки своей внешностью. Однако, попробовав себя в нескольких местах в качестве малооплачиваемой официантки и устав от вечных домогательств со стороны клиентов, несколько пересмотрела свои высокие принципы. Она работала распорядительницей на каком-то медицинском конгрессе, когда коллега сказала ей, что, позируя для рекламы, Бэль за один сеанс получит столько, сколько за весь период работы на каком-нибудь автосалоне.

ФБР не увидело ничего страшного в том, что Бэль станет моделью, но так, чтобы ее лицо никогда не появлялось ни в одной рекламе. В агентстве ей сказали, что согласны взять ее для демонстрации отдельных частей тела – рук, ног, груди, – если, конечно, у нее необыкновенные руки, ноги и грудь. Очень скоро хозяйка агентства убедилась в том, что Бэль может играть во всех категориях.

Сначала в ходе рекламной кампании одного банка на щитах размером три на четыре метра появились ее поднятые вверх руки. Потом – спина в черно-белом

варианте в рекламе нижнего белья. В одном художественном фильме ее ноги снимали вместо ног главной героини. Несмотря на массу предложений, Бэль работала ровно столько, сколько требовалось, чтобы оплачивать жилье, какие-то повседневные расходы и иметь возможность учиться. И каждый из фотографов, с которыми она сотрудничала, недоумевал, почему она – единственная из моделей – никогда не показывает такое красивое лицо.

Словно в подтверждение родительского предупреждения относительно волшебных сказок, Бэль не торопилась с поисками прекрасного принца, о котором мечтают все девочки. С такими данными, как у нее, ей достаточно было моргнуть глазом, чтобы он тут же явился на белом облаке.

Так что до сих пор непонятно, как потрясающая Бэль Уэйн умудрилась влюбиться в какого-то Франсуа Ларжильера.

* * *

Бэль первой выпорхнула из родительского гнезда, после чего все Уэйны, не сознавая того и не сговариваясь между собой, мало-помалу отвернулись от несносного Фреда. Уоррен, едва достигнув совершеннолетия, тоже покинул родительский дом, чтобы поселиться на засушливом плато в Веркоре[5 - Веркор – горный массив в предгорьях Альп.], на высоте тысячи двухсот метров над уровнем моря, в маленькой деревушке на границе департаментов Дром и Изер. Там, наверху, он очищал свое сердце от тяжелой черной крови, скопившейся в нем за годы детства, чтобы войти в мужскую пору примирившимся с собой, освободившимся от злобы и насилия, невольным наследником которых он стал.

Но он недолго будет жить отшельником; скоро к нему присоединится его любимая – как только у него появится возможность принять ее, и чем раньше, тем лучше. Он повстречал ее два года назад, когда первый раз пришел в новую школу, во второй класс лицея в Монтелимаре, в пятнадцати километрах от Мазенка.

Это начало учебного года он встретил, как и все предыдущие, с вялой покорностью проклиная свой возраст, который так не соответствовал его удивительной зрелости. Не успел он положить свой рюкзак на стул, как появилась Лена, в последний раз затягиваясь сигареткой, которую тут же выбросила за окно лихим жестом заправского курильщика. Когда Уоррен

почувствовал, что его что-то ужалило, было поздно: яд горячим потоком растекался уже по его телу.

Лена была первым совершенным существом, которое он встретил в своей жизни: чудесные глаза выглядывали из-под челки в стиле Луизы Брукс, которая смотрелась истинным украшением на ее совершенном личике. Не говоря уж о носе с изящной горбинкой – прекраснее не бывает – и о едва заметных тенях вокруг глаз, которые делали столь невероятным ее взгляд. В то утро она была одета как королева: большой черный свитер из крученой шерсти, продырявленные на попе джинсы и прелестный старомодный бантик на шее – само совершенство! Уоррен попытался ухватиться за разумную мысль: избыток совершенства вызывает тахикардию.

Учитель велел им заполнить учетную карточку, и Уоррен, как и всякий раз в начале учебного года, задумался над самой первой графой: фамилия. Его смятение отразилось на лице, и сосед по парте спросил со смехом: «Ты что, забыл, как тебя зовут?» Сущая правда, Уоррен опять забыл свою фамилию. И дело тут было вовсе не в памяти, а в некоем замешательстве, которое он испытывал всегда, когда ему требовалось написать где-то свою фамилию, словно душевная травма, перенесенная им в детстве, пряталась теперь в этих чужих именах, навязанных ему судьбами его отца. Уоррен по рождению Манцони, но эта фамилия оказалась теперь под запретом, она несла на себе печать проклятия, обрекая тех, кто ее носил, на смерть. Приехав во Францию, они стали Блейками, потом Браунами, а после переезда в Мазенк ФБР снабдило их новыми документами на имя... на имя... как это... ну же?..

– Уэйн! – произнес он вслух. – Меня зовут Уэйн. Уоррен Уэйн.

Преодолев это первое препятствие, он тут же столкнулся со следующим, еще более затруднительным. Профессия отца. Он собрался было написать «писатель», но это опять была неправда, его отец – доносчик, предатель, стукач, раскаявшийся преступник, знаменитый, но безымянный, человек, чье имя могло бы войти в историю, но только не благодаря этим его дебильным книжкам, а потому, что своими показаниями он привел коза ностру чуть ли не к краху. С тех пор как Уоррен пошел в школу, учителя проявляли неизменное любопытство относительно его отца-«писателя», который, несмотря на безграмотность и преступное прошлое, издавал книги.

– Скажите-ка, мадемуазель Вертушка, там, в самом конце слева, вы уберете наконец этот телефон или я его конфискую?

От такого обращения – «мадемуазель Вертушка» – Лена покраснела до ушей. Уоррен же воспользовался этим, чтобы спросить соседа:

– Как ее зовут? Вертушку эту?

– Лена Деларю.

Конечно же, Лена Деларю – разве могли ее звать иначе? У нее было просто совершенное имя, а у Уоррена его не было вовсе.

Откуда она взялась такая? Почему в ее присутствии я горю огнем? Что это за вторжение в мою жизнь? Что она о себе думает? Что стоит ей войти в дверь, и я сразу позабуду мою фамилию? Сколько времени она уже живет на этом свете, эта Лена Деларю? Было у нее детство, настоящее детство? И сколько времени ей понадобится, чтобы понять, что я тоже существую?

* * *

Фред давно уже топтался на месте – ему никак не удавалось извлечь из машинки ничего удобоваримого. Он полез в холодильник, чтобы съесть кусочек рикотты[б - Рикотта – разновидность творога.], купленной у итальянца, потом спустился в сад и расположился на краю запущенного бассейна. Его собака Малавита, воспользовавшись самым первым солнечным лучом, уснула тут же, предаваясь ностальгическим воспоминаниям о времени, когда в бассейне плескались люди. Это была австралийская овчарка, кряжистая и низкорослая, с короткой пепельно-серой шерстью и стоячими остроконечными ушами. Фред взял ее в питомнике, чтобы доставить радость детям. Как всякий, кто собирается взять собаку, он обратил внимание прежде всего на то, что больше всего была похожа на него самого, и окончательно решился, прочитав описание на дверце клетки: Австралийская овчарка отличается верностью и желанием доставить удовольствие хозяину. В Ньюарке, когда Фред начинал продвигаться по службе, ничто так не радовало его, как одобрительное похлопывание капо по его еще щенячьей тогда голове. Нуждается в подвижном образе жизни, но при этом прекрасный сторож, способный одним взглядом остановить любого. В

начале своей карьеры Фред работал гораздо больше других и охранял свою территорию с жестокостью, прославившей его в трех соседних штатах. Способна пробегать без усталости огромные расстояния, отлично переносит самый засушливый климат. Строя свою империю, он заключал пакты с разными кланами в Майами и Калифорнии, завел дела в Канаде и Мексике, и ничто – ни обычаи, ни законы, ни границы – не смогло его остановить. Собака держит в подчинении себе подобных и с подозрением относится к чужакам. Последний довод стал решающим.

Как все дети, Бэль и Уоррен сначала страстно влюбились в щенка, но быстро остыли. Фреду пришлось взять кормление и прогулки на себя, и вскоре собака признала его своим единственным хозяином, а их забавное сходство за годы совместной жизни стало лишь заметнее.

Из тесной парижской квартиры программа «Уитсек» перевела их на юг Франции, потом в Эльзас и, наконец, поселила неподалеку от Монтелимара, в захолустной деревеньке Мазенк, пообещав оставить на какое-то время в покое. Там Малавита впервые в жизни увидела бассейн – странную яму, в которую жаркими солнечными днями люди прыгали с пронзительными криками, – весьма странные нравы в глазах маленького существа, рожденного для жизни на австралийских пустошах.

Теперь, когда дом опустел, они остались вдвоем. Влюбленная парочка, как говорила Мэгги, собираясь в понедельник на поезд, чтобы ехать заниматься своим маленьким предприятием. В этот день, радуясь не по-январски весеннему воздуху, человек и собака встретились у водоема, наполненного старой водой и подернутого опавшими листьями. После отъезда Бэль и Уоррена Фред приводил бассейн в порядок только в самый разгар лета.

В эпоху расцвета, когда Манцони обитали в своем дворце в фешенебельном районе Ньюарка, их бассейн поддерживался в рабочем состоянии круглый год. Фред освободился от этой неприятной заботы, обратившись за помощью в одну фирму, которая имела неосмотрительность прислать ему молодого студента, смуглого красавца, прекрасно справлявшегося с работой и неизменно любезного с клиентами. Однако предрассудки неискоренимы, и в глазах Джованни Манцони pool guy[7 - Чистильщик бассейнов (англ.)] всегда останется pool guy – носителем всех ярлыков, которые обычно навешиваются на таких парней, возжеланным объектом сексуально озабоченных дам. Правда, его жена ни разу не проявила ни малейшего интереса ни к этому pool guy, ни к кому бы то ни было

вообще. Супружеская измена была последней опасностью, которая могла грозить Джованни, он никогда не боялся, что его жена начнет «похаживать на сторону». Кроме того, вышеупомянутый чистильщик был славным парнем, которому не было ни малейшего дела до всех этих дам в бикини, – он был влюблен и собирался жениться, как только окончит учебу. Только вот незадача: он представлял собой архетип pool guy – эдакий калифорнийский серфер, с чеканным прессом и пряничной кожей. Короче, слишком уж pool guy, на вкус Джованни, который в один прекрасный день схватил его за волосы, оттащил в гараж, сунул его голову в тиски и стал закручивать до тех пор, пока несчастный парень не взмолился о пощаде и не поклялся в тот же день уехать из города. А на следующий день фирма прислала пожилого господина предпенсионного возраста, который постоянно жаловался, что никогда ничему не учился и вот кончает жизнь в роли pool guy.

В окошке домика, в нескольких метрах от бассейна, Фред разглядел силуэт Питера Боулза, цербера из ФБР, который сопровождал его во время всех перемещений, прослушивал телефонные разговоры и первым читал его корреспонденцию. Этот человек стал его тенью и ходил за ним по пятам, словно нечистая совесть. Боулз же смотрел, как эта сволочь, этот гангстер, пыжится на краю собственного бассейна, в то время как сам он, верный слуга правопорядка, вынужден сидеть в своей камерке, коченея зимой и задыхаясь от жары летом, и думал, что все же есть в американской законности что-то глубоко прогнившее.

* * *

В отличие от мужа Мэгги всегда имела право свободного передвижения. Программа «Уитсек» поощряла ее к независимости и самостоятельному заработку; возобновление профессиональной деятельности свидетельствовало о том, что она действительно адаптировалась к новой жизни. Федеральное бюро в Вашингтоне разрешило ей арендовать помещение в Париже.

Таким образом, год назад она вложила свои скромные средства в небольшое помещение на улице Мон-Луи, в тихом квартале Двадцатого округа, где когда-то располагались сомнительного вида забегаловки, обреченные на исчезновение. Место это было заброшено с тех пор, как обосновавшаяся в квартале крупная пиццерия нанесла смертельный удар местному мелкому ресторанным бизнесу. Несмотря на конкуренцию, от которой многие приходили в уныние, Мэгги все же решила попытать счастья.

Своим клиентам она собиралась предложить лишь одно блюдо – свои знаменитые баклажаны по-пармски, и ничего больше – ни закусок, ни десертов, ни напитков. И соответственно, могла посвятить его изготовлению все время и проявить всю тщательность, которых оно требовало. Это радикальное решение вынуждало ее отказаться от обслуживания в зале, чтобы сконцентрироваться исключительно на продаже навынос и на доставке на дом. Через Национальное агентство по занятости она наняла Рафи – безработного с трехлетним стажем, отца семейства, готового на любую работу, даже на такую, которой он не занимался никогда в жизни. За счет ненужного теперь ресторанным зальчика они расширили кухню и оборудовали уголок для жилья, что позволило Мэгги не тратиться на квартиру в Париже. В своей бесконечной наивности, не обладая никаким опытом в области коммерции, она создала свой «Пармезан», даже не позаботившись о предварительной рекламе в квартале. Злые языки предрекли ей неминуемое банкротство. Короче, это было самоубийство.

Свой заведомый крах Мэгги решила разделить с теми, кто больше всего в этом нуждался. Она взяла на работу Клару, бывшую служащую Парижской мэрии, только что вышедшую на пенсию и готовившуюся покинуть столицу, чтобы обосноваться где-нибудь на юге, где, как говорят, старички живут просто припеваючи. Проходя мимо заведения Мэгги, Клара не смогла устоять перед запахом томатного соуса, напомнившим ей точно такое же угощение, которое готовила когда-то ее матушка в Абрुццо, к северо-востоку от Рима. Она с радостью ухватилась за предоставленную ей Мэгги возможность начать новую жизнь – и это в том возрасте, когда обычно людей отправляют на свалку. Вместе они наладили связь с итальянскими поставщиками, на которых Мэгги особенно рассчитывала, определили количество ежедневных порций, завели приходо-расходную книгу, изучили законодательство на предмет ресторанного дела. Словно две исследовательницы, склонившиеся над своими пробирками и лабораторными горелками, они экспериментировали над продуктами, соревнуясь в изобретательности, пока не научились добиваться одинакового результата как для шести, так и для трехсот порций.

Для полного комплекта Мэгги нужны были еще два развозчика, и она приняла на работу Сами, бывшего рецидивиста на пути к исправлению, и Арнольда, юного студента, который из-за отсутствия четкого интереса к чему-либо был вынужден прервать учебу и провести даже несколько ночей на улице.

Каждое утро, в восемь часов, Клара осматривала доставленные на рассвете товары и оценивала их качество. Пармезан привозили из частной сыроварни в

Реджо-Эмилия, а моцареллу, столь же необходимую для изготовления меланцане алла пармиджана, – с сыроваренного завода «Казеифико Раньери», в Соре, Лациум. Очищенные томаты в банках поставлялись из Калабрии, оливковое масло – из небольшого хозяйства в Перпиньяне. Мэгги начинала день с того, что спускалась на склад, затем шла готовить томатный соус. Чуть позже появлялся Рафи и приветствовал своих «тетенок», как он их называл. Он привозил с рынка в Ренжи отборные баклажаны, надевал фартук и принимался колдовать над теми, что накануне уже очистил, нарезал ломтиками и разложил в шахматном порядке под прессом, чтобы за ночь из них вытекла вся жидкость. Обмакнув каждый ломтик в яйцо и обваляв в муке, Клара быстро обжаривала их на сковороде, так чтобы к одиннадцати часам операция была закончена. Затем она наполняла лотки и половину отправляла в печь – для первых заказов.

Служащие расположенных в округе предприятий, уставшие от бутербродов и готовых салатов, начинали заглядывать к Мэгги уже с десяти утра, чтобы успеть сделать заказ на обеденное время. К полудню все приготовленные порции уже были заказаны. Напрасно опоздавшие выражали свое неудовольствие по этому поводу: Мэгги и Клара никогда не превышали заветную цифру – триста порций в обед, столько же вечером, и ни одной больше. Их единственный шанс на успех заключался именно в этом постоянном стремлении к совершенству, а также в абсолютной неизменности формулы. Ничего не менять – ни количество, ни ингредиенты, ни процедуру изготовления, ни поставщиков, не стремиться ни увеличить доход, ни разнообразить продукцию, ни повышать цену, невзирая на успех. Через год Мэгги позабыла имена тех, кто предсказывал ей гибель. Рафи опять получил возможность содержать свою многочисленную семью, Клара копила деньги, чтобы купить когда-нибудь себе домик в департаменте Ардеш, Арнольд снова пошел учиться и оплачивал небольшую комнатку в том же квартале, а Сами вновь заслужил доверие правоохранительных органов. Глядя, с какой душой они отдаются делу, день за днем, все вместе, словно пассажиры одной лодки, Мэгги чувствовала, что ее старания не пропали даром. Она знала, что никогда не станет богатой, никогда не откроет вторую точку, но она уже смогла выплатить кредит, не ударив в грязь лицом перед банком, и оставила свою походную кровать, сняв небольшую квартирку в городе. Наконец-то она обрела независимость и могла не просить больше ни копейки ни у программы «Уитсек», ни у мужа. Она ни перед кем не должна была отчитываться, а это была уже немалая победа. Но, пережив столько, сколько она пережила, Мэгги должна была бы знать: утопия длится ровно столько, сколько положено утопии.

* * *

Бэль позировала для упаковки видеоигры в черном боди, лицо же к ее фигуре было пририсовано позже с помощью компьютерной графики. Во время сеанса ей представили автора игры, Франсуа Ларжильера, веселого симпатичного парня, который во время разговора не пялился на нее и не разыгрывал из себя умника, отпуская комплименты – тонкие и не очень. И в мыслях не имея никого обольщать, он завел длинный разговор, свободный и открытый, и, даже не подозревая об этом, произвел на нее впечатление. Такое сильное, что Бэль приняла его словоохотливость за непринужденность.

На самом же деле все было по-другому: Франсуа Ларжильер более, чем кто-либо, был сражен. Он запретил себе мечтать о ней, потому что волшебных сказок не бывает, как и принцесс, – разве что в слащавых фильмах и низкопробных видеоиграх, в работе над которыми он всегда отказывался участвовать. Если вдруг каким-то чудом такая принцесса встречалась в реальной жизни, ее следовало тут же выбросить из головы, затолкать саму мысль о ней как можно дальше, чтобы не стать жертвой страшного разочарования. Эта позиция позволила ему остаться самим собой и сохранить чувство юмора.

Она разыскала его сама. Услышав голос девушки, которую к тому же звали Бэль – ничего себе тавтология! – Франсуа рухнул со своих небес. Удивление обернулось недоверием: она позвонила, потому что ей что-то надо от него, но что? Он согласился выпить вместе для ясности, однако она ничего у него не попросила, что заставило Франсуа во время второго свидания отнестись к ней с еще большим подозрением. В третий раз они встретились около пруда в Люксембургском саду и просидели там до закрытия, а потом, подкрепившись устрицами с белым вином, отправились в небольшую однокомнатную квартирку Бэль, где царила большая кровать, оставлявшая мало места для прочей мебели. Легкое опьянение, заговорщические смешки, робкие движения и... внезапная нагота.

И тут Ларжильер с отстраненным видом безапелляционно заявляет, что сегодня у него эрекции не будет, и, натянув трусы, заводит разговор о закрытости среднего класса.

Бэль, ошеломленной этим резким переходом, стало интересно, как он пришел к такому выводу: ведь они еще даже не прикоснулись друг к другу, и вообще, это первый раз, и они тут не для каких-то высоких достижений, их тела просто должны узнать друг друга. Еще более странным показалось ей, что Ларжильер

избавил ее от обычных в таких случаях жалоб. Бэль коротко проговорила: Ничего страшного, и тут же пожалела об этом, потому что он ответил ей: Я знаю. Не теряя надежды придать столь важному моменту немного легкости, она предложила перейти к нему, в привычную для него обстановку. Они прошли по пустынным улицам, Франсуа открыл перед ней дверь своего жилища, огромного и пустого, с белыми стенами и без малейшего намека на украшения. Дома его немного отпустило, но он так и не смог избавиться от преследовавшего его призрака полнейшего краха. Засомневавшись в самой себе и в своих чарах, Бэль спросила, не из-за ее ли присутствия ему не по себе. А он чуть не сказал, что? почувствовал, увидев ее обнаженной.

Потому что, когда он увидел ее обнаженной, его вдруг пронзило, что она действительно что-то нашла в таком типе, как он: в жизни не сделавшем ничего, чтобы заслужить внимание создания, о котором можно лишь мечтать, и даже лучше, такого близкого и даже интересующегося его телом, которое уж совсем ни на что не похоже. Франсуа достаточно было протянуть руку, чтобы понять: она действительно находится тут – в том же пространстве, в том же времени, что и он. И в конце концов он сделал это, но вместо того, чтобы погладить ей плечи или грудь или провести рукой по бедрам, он пощупал ее руку выше локтя, словно удостоверившись, что она настоящая.

Через две недели он все же принял этот подарок небес и превратился в пылкого любовника, в постоянном восторге от этого тела, которое он ни на минуту не мог оставить в покое своими ласками.

* * *

Уоррен терпел шесть долгих месяцев, прежде чем ему удалось наконец привлечь внимание Лены. Шесть месяцев он ловил каждый знак, придумывал разные военные хитрости, шесть месяцев предавался любимому занятию: рассматривать профиль Лены – справа, когда она садилась у окна, слева, когда она оставалась у батареи. На основных предметах она усаживалась вместе с Джессикой Курсьоль, своим клоном, которая носила такой же толстый свитер и такие же черные ботинки, строила такие же страдальческие гримасы при столкновении с малейшей трудностью. Но Лена выбрала вторым языком испанский, а Джессика – немецкий, и каждый раз перед уроком иностранного языка, расходясь по разным кабинетам, неразлучные подруги обменивались четырехкратным поцелуем в знак душераздирающего прощания. После чего

Лена садилась рядом с Доротеей Курбьер, немного слишком girly, на ее вкус, но достаточно способной к языкам, чтобы помочь ей в переводе сложного куска, и достаточно cool, чтобы дать списать конспект пропущенного урока. Но вмешался случай: один раз заболела Доротейя, в другой – Лену отсадили от нее за списывание, и вот в долю секунды свершается чудо: Уоррен оказывается бок о бок с ней. В те редкие разы, когда такое случалось, Лена не удостоивала своего соседа даже взглядом и сидела, демонстративно уткнувшись носом в папку. Уоррен же дышал животом, чтобы унять колотившееся сердце, и, чувствуя, как горит лицо, боялся, что это будет замечено, но тут уж он ничего не мог поделать, разве что подпереть ладонью щеку и принять отсутствующий вид. Впрочем, все эти старания были напрасны, Лена действительно не замечала его, этот мальчик для нее не существовал, он был некой прозрачной субстанцией, занимающей левую сторону ее стола.

Уоррен разрывался между желанием убежать, шепнуть ей на ухо что-нибудь смешное или совершить какой-нибудь дерзкий поступок, который привлек бы ее внимание. Но вместо этого он скатывался к обычной бравате, которую демонстрируют подростки, оказавшись на краю непреодолимой пропасти, разделяющей мальчиков и девочек. Эта дура меня в упор не видит. Ему никогда еще не приходилось ощущать себя настолько не у дел. Его игнорируют – и кто? Единственное на свете существо, чье внимание он хотел бы привлечь. В этом должна быть какая-то логика, но какая? Иногда, когда они оба раскрывали учебник, их локти соприкасались, Уоррен вздрагивал как от удара током, она же, ничего не замечая, продолжала начатое действие и в лучшем случае бросала ему безразлично: Какая страница? Застигнутый врасплох, он отвечал: Не знаю, и тогда она спрашивала у кого-нибудь другого. Что бы такое ему придумать, чтобы Лена Деларю заметила его существование? Получить высший балл за сочинение? Завести скутер? Накачать плечи, как у пловца? Что же сделать, чтобы она наконец стала воспринимать его живым существом?

Впрочем, что касается способов ее поразить, у него был огромный выбор! Он мог бы, например, наклониться на уроке к ее уху и сказать: Знаешь, а я вырос среди убийц, я умел заводить угнанную машину, до того как научился говорить, я с завязанными глазами могу перезарядить П-38, а когда мне исполнилось двенадцать лет, папа, тайком от мамы, повел меня праздновать мой день рождения в стрип-бар. Чистая правда, о которой он не имел права говорить, и все же это даже не приходило ему в голову, потому что рядом с ней он становился обыкновенным мальчишкой, как все, который мечтает впечатлить девочку тем, что бегают быстрее всех или дальше всех метает мяч. Тем временем раздавался звонок, и Лена бежала в коридор, чтобы рассказать

Джессике о потраченном впустую часе. А Уоррен проклинал все на свете, сгорая от стыда, что упустил такой случай. В холле он видел толпы парней, гордо прогуливавшихся под руку с девчонкой. Эти ребята будут похрабрее его, даром что он Манцони. В других школах он был на положении главного, перед которым все пресмыкались. Он сам производил впечатление на девчонок, а не наоборот. Всего год назад, в предыдущем лицее, одна девица из последнего класса пожелала стать его «первой», как она сама выразилась. Я буду твоей первой женщиной, ты никогда меня не забудешь, всю жизнь ты будешь помнить о Беатрис Вале.

С тех пор как Уоррен перестал видеть себя в будущем великим архитектором коза ностры, он утратил все свое высокомерие, весь апломб, превратившись в глазах окружающих в простого смертного. Учителя считали его слишком робким, а немногочисленные приятели удивлялись, что он исчезает сразу после занятий. Единственный раз в жизни он принял приглашение на вечеринку в надежде увидеть там Лену Деларю. Уоррен не находил себе места, чувствовал себя нескладным и нелепым, шутил невпопад, танцевал из-под палки, не мог вписаться ни в один разговор. Лена же веселилась вовсю, ощущая себя совершенно непринужденно и в своем возрасте, и в своем времени.

Устав мучиться, Уоррен стал жаловаться на девчонок сестре, когда та заглянула в родительский дом.

- Ладно, хватит скулить, как ее зовут?

- Кого?

- Ту, которая тобой никак не заинтересуется.

- Лена.

- Ну и в чем проблема?

- У меня такое ощущение, что я невидимка.

- И сколько это длится?

- Через десять дней будет полгода.

Бэль попыталась ему помочь, но наговорила обычных штампов, надавала самых банальных советов, так что ей не удалось убедить и себя саму.

- Она должна понять, что я существую.

- Ты никогда не займешь первое место по математике, стометровку даже я бегаю быстрее тебя. Конечно, ты очень красивый, но я говорю так, потому что я твоя сестра. Правда, у тебя есть испачканный кровью платок, который принадлежал Лаки Лучано, но вряд ли это пригодится тебе с твоей Леной.

- Есть у меня одна мысль, но...

- Ой, не люблю я, когда ты вот так смотришь... Что за мысль-то?

* * *

Ночь спускалась на холм Мазенк, Фред оставил свой шезлонг, Малавита последовала за ним. Он вернулся к своей пишущей машинке, ворча на Мэгги, которая за весь день не удосужилась позвонить. Он считал, что на связь должна выходить она. Те, кто уезжает, дают о себе знать тем, кто остается, а не наоборот. С тех пор как мадам стала проводить рабочую неделю в Париже, занимаясь своей лавочкой, она появлялась дома лишь к вечеру пятницы, и начиная со среды дни для него тянулись бесконечно. Поэтому ему особенно нравилось, когда она звонила именно в этот день, говоря приятные вещи на его родном языке, потому что здесь, в деревне Мазенк (департамент Дром), случай поговорить по-английски, да еще и с характерным для Ньюарка (штат Нью-Джерси) акцентом, представлялся ему нечасто. Он так и будет бурчать, пока не зазвонит телефон, злиться на нее, обзывать всеми словами, его злость даже отразится на его сочинении: вот он сейчас пойдет и замочит ни за что какого-нибудь персонажа, который спокойно мог бы дожить до эпилога. Действительно, в середине главы он вдруг состряпал из ничего новый персонаж, сорокалетнюю женщину по имени Мардж, которая должна будет умереть в страшных муках при неясных обстоятельствах и из-за которой читателю явно придется вернуться на несколько страниц раньше, потому что ему покажется, что он что-то упустил. Когда в шесть вечера наконец раздался телефонный звонок, Фред не смог

удержаться и выдал себя с первых слов:

– Я скучаю по тебе, любовь моя. А ты по мне скучаешь?

– Фред, пожалуйста...

Он понял следующую за этой немую фразу: Фред, мы не одни, не надо фамильярностей. За те десять лет, что их телефон был на прослушке, он научился не сдерживать эмоций, а вот Мэгги никак не могла забыть о каком-нибудь Питере Боулзе, который, надев наушники, слушал их разговор, готовый при любом подозрительном слове начать запись.

– Эти ребята слушают лишь то, что им хочется услышать, Мэгги, им наплевать на наши любезности. Они ждут государственных тайн, кодовых слов, формальных доказательств заговора, а наши личные маленькие секреты им до лампочки.

– Фред, прекрати, или я повешу трубку.

– Эй ты, там, тебе ведь наплевать?.. Тебе наплевать, что я скучаю по своей жене, тебе это просто непонятно, потому что у тебя и жены-то нет. Для тебя все это – литература, жена, по которой кто-то там скучает. Ты, мешок с дерьмом, ты и знать не знаешь, что это такое, скучать по кому-нибудь, потому что по тебе-то уж точно никто никогда не скучал, да и ты сам тоже – никогда и ни по кому! Потому-то тебя и ценит твое начальство – тебя ничем не проймешь, умри ты на боевом посту, – ни вдову извещать не надо, ни денег на детей собирать, ни пенсию им выплачивать, недорого ты обойдешься налогоплательщикам! Ты не знаешь этого горячего запаха, который оставляет в постели твоя жена, этот запах никогда не меняется, но он быстро исчезает, если жена спит не дома, и тебе не хватает его, ты скучаешь... если б ты только знал... Но ты никогда этого не узнаешь!

– Дурак! Вот тебе!

Мэгги повесила трубку. Пусть разбираются между собой. У нее не было ни времени, ни терпения слушать, как муж выясняет отношения с Дядей Сэмом; что ж, тем хуже для него, не узнает две-три вещи, которые она собиралась ему сказать, а перезванивать она до завтра не будет.

– Сука! – завопил Фред, бросая в свою очередь трубку.

Бедняга Боулз, получивший оскорбление ни за что, остался на линии один. Чтобы успокоить нервы, он облокотился о подоконник. В нападках Фреда он не услышал ни слова правды, и это огорчало его больше всего.

Он стал федеральным агентом, как становятся чемпионами: благодаря вере в победу и тренировкам. Он был самым молодым среди своих однокашников и, вступив в ряды сотрудников DEA[8 - Drug Enforcement Administration – Администрация по контролю за применением законов о наркотиках. (Примеч. автора.)], в течение шести лет несколько раз привлек к себе внимание начальства. А потом было дело «плавучего дома» Саусалито, в северной части Сан-Франциско. Захват пяти тонн кокаина на борту ржавой посуды, переоборудованной в жилище для бездомных, которые ничего не знали. Боулз, самостоятельно вычисливший всю цепочку, в какой-то момент сплеховал и не вызвал подкрепления для облавы. Из-за этой непредусмотрительности его человек среди наркоторговцев был убит, а один из сотрудников тяжело ранен во время перестрелки. Питеру было тридцать четыре года, и начальство дало ему возможность отсидеться во Франции, наблюдая за бывшим мафиозо: иными словами, три года чистилища, перед тем как снова появится надежда на возвращение на родину и возобновление службы в качестве следователя.

Обычный день Питера не изменился ни на йоту с того дня, как он впервые заступил на этот пост: он вставал в шесть утра, натягивал футболку и отправлялся на сорокаминутную пробежку по горам, затем возвращался, принимал душ, пил кофе и ждал проявления первых признаков жизни у Уэйнов. Он прослушивал входящие и исходящие звонки и, словно телохранитель, сопровождал Фреда почти во всех его передвижениях – когда этот подонок не надумывал слянуть на час-другой, просто так, ради спортивного интереса, испытывая на Питере свою очередную уловку, которую тому никогда не удавалось разгадать. Короче, Боулз схлопотал себе дрянную работенку – иногда ему казалось, что он служит лакеем у гангстера. С каждым днем ему все труднее было выносить тишину, одиночество, презрение со стороны Фреда, его оскорбления. Оскорбления особенно обидные, когда они касались его личной жизни и семейной неустроенности.

Фред тоже в некотором роде жил холостяком и страдал от этого. Он только что сорвал на Боулзе злость, предназначавшуюся Мэгги, которая вбила себе в голову, что должна жить своей жизнью, со своими устремлениями, своим

распорядком и предпочтениями. Чтобы избавиться от призрака одиночества, он решил доставить себе удовольствие и снял трубку.

– Боулз? Я вечером хочу поужинать в этом трактирчике, ну там, где готовят паштет из гусиной печени с инжирным вареньем, в этой дыре, как ее... название не выговорить.

– Клиускла.

– Так что, если я опять потеряю вас в этих дебрях, как в прошлый раз, знайте, что я там.

И Фред, довольный собой, вернулся к рабочему столу. Он никогда не признался бы и себе самому, что этим звонком Боулзу пытался избавиться от ощущения вины перед ним, которое могло испортить ему весь вечер или даже помешать спать.

* * *

Бросив трубку, Мэгги посмотрела на часы, заглянула в уже заполненную книгу заказов, затем вышла на порог, как делала это каждый вечер в одно и то же время, чтобы проверить боевой дух в войсках перед предстоящей битвой. Собственный настрой у нее был не из лучших, но она умела скрывать свое беспокойство от остальных членов команды, считая это своим капитанским долгом. «Пармезан» плыл вперед наперекор стихиям, они прекрасно сработались, так зачем говорить им о том, что повстречавшаяся им в спокойных водах военная машина решила любой ценой потопить их суденышко?

Некий Франсис Брете, управляющий пиццерией, принадлежащей одной американской транснациональной компании, и не подозревал о существовании «Пармезана», расположенного в нескольких шагах от его заведения, пока три месяца назад ему не позвонил его шеф по парижскому региону. Он сообщил о снижении в его ресторане торгового оборота до девяти процентов, и это в то время, когда восемнадцать остальных парижских точек повысили эту цифру в среднем до одиннадцати. С него потребовали объяснений.

Франсис Брете никогда не беспокоился по поводу конкуренции, поскольку все окрестные заведения фастфуда принадлежали той же компании, что и его пиццерия, – «Файнфуд Инкорпорейтед» со штаб-квартирой в Денвере. Он не замечал, что все его официанты и разносчики проводят обеденный перерыв рядом, за углом, сидя на скамейке и уткнувшись носом в алюминиевый лоток. Имея право на бесплатную пиццу и любое блюдо из меню, его сотрудники все равно предпочитали питаться в этой забегаловке без вывески, без души, в которой к тому же им предлагалось всего одно блюдо – баклажаны по-пармски.

– Что?..

Франсис Брете вынужден был признать очевидное: этот «Пармезан» увел у него клиентов. Какая-то жалкая забегаловка с домашней кухней и кустарным способом доставки, ноль профессионализма. Пока он определялся с врагом, обороты упали с минус девяти до минус четырнадцати процентов.

После минус семнадцати он был вызван в европейское управление компании, в Женевилье, где генеральный директор потребовал у него подробностей по поводу снижения прибыли.

– К какой группе компаний принадлежит этот «Пармезан»?

– Это независимое предприятие.

– Сколько у него дополнительных точек?

– Нисколько, одна материнская фирма – и все.

– А каков заявленный продукт?

– Баклажаны по-пармски. В сущности, это их единственное блюдо.

– Как это – единственное?

– У них в меню больше ничего нет. Ни напитков, ни закусок, ни десертов.

– ?..

- Ни мясных блюд – тем более.
- Какие баклажаны?
- По-пармски. Это нечто вроде лазаньи, только вместо теста в качестве прослойки используются баклажаны.
- И сколько порций в день они реализуют?
- Дважды в день по триста порций по шесть евро каждая.
- А как быстро они наращивают темпы?
- Никак. Они уже год как остановились на этой цифре.
- И они не пытаются повысить товарооборот?
- Нет.
- ?.. Сколько у них народу?
- Два человека с полной занятостью и два – с частичной.
- Невозможно. Они не смогут получить ни копейки прибыли.
- Так и есть: у них нет прибыли – ни копейки.
- Но кто они – эти люди?
- Я как раз выясняю.
- А эти баклажаны, их кто-нибудь пробовал?

На данный момент никто. Франсису Брете было поручено пойти и разобраться самому. Напрасно он пытался любезничать, говоря, что места всем хватит и что

надо поддерживать такие маленькие заведения, – Мэгги сразу прочитала в его взгляде страстное желание увидеть ее поверженной. Она пригласила его на кухню, где предложила порцию баклажанов. Он прожевал ложку и, торопливо проглотив, заявил: Это вкусно, но публике такое не нравится. Вы сейчас пользуетесь феноменом любопытства, но через какое-то время ваши продажи начнут падать, и никто не будет в этом виноват. Законы рынка, мадам Уэйн.

Его визит не застал Мэгги врасплох. Она сама ввязалась в это состязание, когда обустроивалась на улице Мон-Луи. Ее сочли сумасшедшей, когда она решила открыть свое предприятие напротив такого гиганта общепита, гиганта, при рождении которого она присутствовала тридцать лет назад, когда вечерами ездила с приятелями в Нью-Йорк на танцы. Она наблюдала открытие самого первого ресторана на Мерсер-стрит и помнила первую его рекламу по телевизору: огромная пицца, которой радуется огромная же семья, и логотип, ставший с тех пор неотъемлемой частью городского пейзажа. Те, кто знал, что такое настоящая пицца, начиная с итальянцев и выходцев из Италии, обходили это место за километр, что не помешало колоссу взойти на трон и властвовать над миром фастфуда. Теперь он состоял из двенадцати тысяч ресторанов по всей планете и каждый день открывал новый. Каким же образом удалось отважной Мэгги затмить своими баклажанами этих, напротив, как называла их Клара?

Франсис Брете вышел после встречи с ней убежденным в огромном коммерческом потенциале баклажанов. Не прошло и двух месяцев, и в их меню, наряду с пиццами, жареными куриными крылышками, салатами из «пасты» и ореховым мороженым, появилась лазанья из баклажанов с пармезаном. Команда «Пармезана» не удержалась и попробовала ее, больше из любопытства, чем из страха конкуренции. Это оказался чисто промышленный продукт: баклажаны были водянистыми, поскольку их не подвергли должной обработке, томатный соус – кислым, поскольку его недостаточно долго тушили, а запеченный пармезан – сильно разбавлен эменталем. Уже этих трех пунктов было достаточно для оценки. Вынутое из лотка, это имело оранжевый цвет, не пахло ничем, кроме жира, и на вкус не представляло собой ничего особенного. Цена за порцию – четыре с половиной евро – была просто немыслимой, учитывая крайнюю невкусность продукта. В рассованной по всем почтовым ящикам рекламной листовке приводился список питательных веществ, содержащихся в баклажанах, а само блюдо было без зазрения совести объявлено диетическим: вегетарианская лазанья.

Долгие годы находясь рядом с гангстером, вся жизнь которого была подчинена жажде наживы в самой крайней степени, Мэгги была отлично знакома с логикой максимальной выгоды. Но она не понимала, как магнаты пищевой промышленности могут тратить столько сил и энергии для создания такой гадости. Сколько инженеров трудилось над этим новым продуктом? Сколько новых машин пришлось изобрести, чтобы оптимизировать его производство? Сколько ученых работало над его искусственными составляющими, всеми этими усилителями вкуса и эмульгаторами, восполняющими недостаток натуральных продуктов? Сколько художников и редакторов корпели над рекламой, чтобы придать тошнотворной мерзости окраску лакомства и навесить на эту катастрофически калорийную штуку ярлычок «сбалансированности», чтобы найти наилучший шрифт для слов «здоровый» и «вкус», адресованных публике, давно позабывшей их значение? Мэгги поражалась, сколько усилий и изобретательности было направлено на достижение единственной цели: превратить деньги в жир, а затем жир – обратно в деньги. Но крестовый поход против столь эффективного цинизма в искусстве перераспределения масс и маркетинга был ей не по плечу. Она вела другую битву, в совершенно противоположном направлении: «Пармезан» стал наивным выражением ее стремления к добрым делам и потребности в товариществе, а ни то ни другое не имело цены.

* * *

Бэль находила Франсуа Ларжильера невозможным и иногда так ему и говорила: «Франсуа Ларжильер, вы совершенно невозможны», повергая его этим в безумную радость. Он был старше ее на десять лет, жил один, не имел привязанностей и мог совершенно свободно распоряжаться собой. Бэль знала за ним один-единственный недостаток – нелюбовь к реальной действительности. Когда Бэль была на него сердита, она называла его английским словом *perd*, значение которого Франсуа пришлось искать в словаре: социально-ущербный человек, увлекающийся наукой и техникой.

В юности он прошел курс прикладных наук, чтобы, по его выражению, понять механизмы живой природы. Он обнаружил в себе настоящий талант к информатике и стал специализироваться на искусственном разуме и на контактах человек – машина. Один издатель видеоигр заказал ему как-то новый симулятор боевых ситуаций, но Франсуа скоро наскучила банальность выпускаемой им продукции, и он решил посвятить все свое свободное время созданию собственной видеоигры. По прошествии нескольких сот дней,

перемежающихся чрезвычайно короткими выходными, он ощутил готовность представить миру MIND – Man Interaction Neuronal Designer – онлайн-игру, которая получила немедленное признание и которую он продал своей фирме за один процент от суммы общей прибыли.

Став богатым человеком, Франсуа смог позволить себе зажить новой жизнью, в отрыве от окружающего мира, вне времени, вдали от бесчинств представителей рода людского. Он редко покидал свою двухэтажную квартиру, окна которой выходили на Люксембургский сад, поздно просыпался, начинал свой день в собственном тренажерном зале, затем по Интернету покупал все, что надо. Он общался по электронной почте с друзьями – которых становилось тем меньше, чем реже он с ними встречался, – а большинство его деловых встреч проходили тут же, перед экраном, в виде видеоконференций. Затем, уткнувшись носом в компьютер, он занимался усовершенствованием своей MIND, выпуская каждые два года новую версию. Вечером он заказывал по телефону ужин, обращаясь в самые дорогие фирмы, после чего снова принимался за работу, часто засиживаясь до глубокой ночи, или же закрывался в собственном кинозале, чтобы посмотреть фильм на экране не меньшем, чем в настоящем кинотеатре. Отправляясь спать, он молил Небо, чтобы следующий день оказался таким же восхитительным, как прошедший.

– Это может длиться очень долго, – говорила ему Бэль. – Учитывая вашу физическую форму, ваше питание, отсутствие стрессов и очень небольшой риск аварии, вы можете побить все рекорды долголетия.

Бэль не упускала случая сообщить Франсуа о своем отвращении к информатике вообще и к новым технологиям и видеоиграм в частности. В течение долгих лет ее брат Уоррен, возмнив себя воином будущего и сражаясь с монстрами исключительной жестокости, колошматил кулаками по клавиатуре, находясь на грани эпилептического припадка. Увлечения задержавшихся в развитии детей, повышенная агрессивность, искусственные эмоции – она видела в этом деградацию человечества, обработку мозгов посредством машины, отказ от обыденной жизни ради безумных ментальных проекций. Ларжильер, не покидавший больше своего мира, был тому живым доказательством.

Франсуа как мог отбивался от ее обвинений в пособничестве отуплению масс; в его игре не было ни замков, ни драконов, ни бомбометов, начиненных антивеществом, ни фантазмагорических, упаднических миров; среди пользователей MIND не замечены сверхагрессивные подростки,

галлюцинирующие перед истекающими кровью мониторами. MIND формировал «альтернативную реальность», истории на любой вкус, для каждого конкретного игрока, с учетом его особенностей и желаний. Игра была способна анализировать эмоциональные реакции игроков и предлагала им ситуации, которые неосознанно привлекли бы их в реальной жизни.

– Ну это как если бы вас спроецировали в фильм, написанный специально для вас, но так, что вы никогда не сможете заранее узнать, что будет дальше.

– ?..

– В моей игре можно встретить не только виртуальных персонажей, которые служат для подкрепления действия, но и реальных людей, находящихся в Сети одновременно с вами, и вы можете с ними поговорить или пройти вместе часть пути.

– ...Пройти вместе часть пути? Ларжильер, вы понимаете, что вы говорите?

Франсуа был уверен, что его игра служит охране здоровья всех затворников мира, но допускал при этом, что для встречи с некой Бэль Уэйн реальная жизнь, несомненно, подходит больше.

* * *

Чтобы стать видимым для той, что заставляла громче стучать его сердце, Уоррен придумал нечто: прийти на вечеринку к Доротее Курбьер под ручку с белокурым чудом.

– И как тебе удастся заставлять меня делать все, что ты захочешь? – вздохнула Бэль. – Ненавижу тебя за это!

– Ну я и сам не в восторге, но обстоятельства требуют. Ты тоже должна постараться.

– Что, мы еще и целоваться в засос должны, по-твоему?

- Так мы ведь это уже делали.

- Да, но тогда тебе было пять, а мне - восемь!

В тот вечер они развлекались как маленькие, разыгрывая из себя влюбленных на публике и выставляя свои взаимоотношения напоказ. Никто даже не заподозрил, что их чувственные взгляды были на самом деле исполнены братской любви, что манера, с которой они брали друг друга за руку, служила лишь знаком нерушимой солидарности, которая навсегда связывает тех, кому довелось вместе перенести тяжкие испытания. Бэль исполняла свою роль просто блестяще - Уоррен о таком не мог и мечтать. Она потусовалась в каждой группке, со всеми была мила и приветлива. Их игра во влюбленных голубков сработала наилучшим образом. Когда, выпив бокал сангрии, она усаживалась к своему брату на колени, присутствующие парни все отдали бы, лишь бы оказаться на месте Уоррена. Девушки, заинтригованные их игрой, не могли понять, что за тайна окружает этого обычно такого неприметного мальчика.

- Он что, правда у нас учится?

- У него американская фамилия.

Одним только своим присутствием Бэль сделала брата яркой личностью, уничтожила его былую безликость, дала ему жизнь, имя.

- А что ты собираешься делать с ней, с этой Леной, если твоя идиотская идея сработает?

- Мне нужно все. Навсегда.

- Тебе еще нет шестнадцати!

- Она - та самая! Я знаю это, я чувствую!

- Ну, допустим, она, как ты говоришь, та самая, но что будет, когда она узнает, что я твоя сестра?

- Когда-нибудь она полюбит меня, как я – ее, и простит мне эту хитрость. И еще даже спасибо скажет.

Тогда Бэль решила перейти к более решительным действиям и уселась по-турецки в середине кружка, образованного Леной, Джессикой и Доротеей, попивавшими пиво. Лена, которая в душе была настоящей женщиной, забросала Бэль вопросами о ее платье, о совершенно незаметном макияже, о ее атласной коже и о взглядах на мироздание. Затем последовало обсуждение ее пария, такого юного, такого скромного, такого не похожего на нее, и Бэль высказалась о конце своего приключения весьма пессимистично.

- Такого парня долго рядом с собой не удержишь. Я готовлюсь к первой в жизни сердечной ране.

И она принялась расхваливать своего брата, представляя его таким, каким видела сама: тонким и трепетным, который столько уже пережил для своего юного возраста и которому теперь предстояли великие свершения. Ничего не раскрывая о жизни семьи Манцони, она говорила чистую правду.

Лена Деларю, Доротея Курбьер и Джессика Курсьоль обернулись и стали выискивать в толпе силуэт паренька.

Уже на следующий день Лена постаралась сесть с Уорреном за один стол. Она сбросила скептическую маску подростка, ищущего свое место в жизни, и вновь смотрела вокруг удивленным взглядом маленькой девочки.

Последовавшие за этим недели были полны признаний и планов совместной жизни – навсегда, навеки. Их безумная юная любовь представлялась им такой сильной, что ей, казалось, не были страшны никакие опасности – в том числе и те, что таит в себе безумная юная любовь. В том возрасте, когда жизнь обычно пугает, они решили ничего не откладывать на завтра. Уоррен собрался действовать по следующему плану:

- 1) бросить лицей и получить какую-нибудь профессию;
- 2) уехать из Мазенка;

3) подыскать местечко, чтобы построить там дом;

4) дожидаться там свою Лену, пока она не решится и не выберет свой путь.

Его потребность отделиться от Уэйнов коренилась в глубоком желании начать новую жизнь, и нежный взгляд Лены дал ему наконец силы сделать это. Он хотел забыть мир, а от мира хотел одного – чтобы тот забыл его.

Оставалось лишь сообщить об этом родителям. Но на сей раз ему предстояло действовать в одиночку.

* * *

Сидя за столиком в ресторане «Беседка», Фред выскребал дно чашечки из-под фи?гового варенья, которое ему подали к паштету из гусиной печени, и ждал, когда принесут говядину с рокфором, о которой он сохранил самые приятные воспоминания. В нескольких столиках от него Питер Боулз налегал на салат с утиными зобами и картофель с петрушкой. По своему обыкновению, он долго изучал меню и задавал бесконечные вопросы о том, что входит в состав того или иного блюда, рискуя быть принятым за одного из тех американцев, которые с подозрением относятся к иностранной кухне. На самом же деле он проявлял такую же бдительность и у себя на родине, что вызывало насмешки со стороны его коллег, передразнивавших его манеру делать заказ: А вы добавляете в соус глутамат? А я могу заказать лазанью без сыра и без соуса бешамель? А ваш торт и правда сделан по-домашнему? Питер предпочитал терпеть и молчать, нежели признаться, в чем тут дело. Когда-то, заполняя анкету ФБР, он соврал в разделе «здоровье», написав нет в графе «аллергии»; он испугался сложностей и допроса с пристрастием со стороны аллерголога, который мог отправить его вон, – людей и с меньшими проблемами выставляли на улицу. После нескольких отеков Квинке, чуть не стоивших ему жизни, Питер окончательно изъял из рациона молоко, зерновой хлеб и опасные красители, наличие которых не всегда указывалось на упаковке.

Теперь ему надо было ждать, пока этот чертов мафиозо повесит свой холестерин ужином за тридцать два евро, и это не считая бутылки «Сен-Жюльена» девяносто пятого года. Пока Фред добрался до конца своего мороженого с шоколадом и печеньем, Боулз успел посмотреть на экране ноутбука старую серию «Звездного пути», всю целиком. Он поглядывал, как

Фред без зазрения совести пирует, переговаривается с соседними столиками или записывает что-то время от времени в записную книжку так, будто ни на секунду не перестает творить. Федеральный агент не испытывал ни малейшей симпатии к этому типу, который, где бы ни находился, с толком проводил время, не выносил трудностей и умел выжать из устаревшей системы правосудия все до последней капли. Подмазывать осведомителей и защищать раскаявшихся мафиози – без этого, конечно, не обойтись, но Питеру трудно давались компромиссы с такими людьми, как этот Манцони. Три часа назад эта сволочь больно его ударила – что ж, ему всегда удавалось находить самое больное место. Ты не знаешь этого горячего запаха, который оставляет в постели твоя жена.

Питер был вполне красивым мужчиной, атлетического телосложения и без особых недостатков. Он написал дипломную работу о войне Севера и Юга и вполне прилично играл ноктюрны Шопена. Обладая пылким темпераментом, он ни разу в жизни не был циничен с женщиной, даже с профессионалками, к которым обращался после долгих недель слежки в каком-нибудь богом забытом уголке. И потом, у него была Кора, дочь владельца гостиницы «Кашмир» в Филадельфии, в которой он жил как-то в течение восьми месяцев, выполняя очередное задание. Двадцать семь лет, воспитательница детей, страдающих аутизмом, – редкий цветок с неслышанным ароматом, невероятно нежный на ощупь. Она подпала под обаяние Питера – этого высокого парня с лисьим взглядом, открывавшего рот лишь для того, чтобы поздороваться или сказать что-то нужное. На втором свидании он взял ее за руку, на третьем – поцеловал в губы. Продолжение было делом ближайшего будущего.

Как и все его коллеги, Питер не торопился объявлять своей невесте о том, что он коп. Не то чтобы он стыдился, но ему прекрасно было знакомо это замешательство, после которого собеседник обычно утрачивал свою непринужденность. Однако больше всего Питер опасался именно женской реакции – такой смеси любопытства и недоверия: интересно, а как это – переспать с копом? Кора засыпала его вопросами, делая вид, что ее интересует его работа. Но прежде всего она хотела узнать, что готовит ей будущая совместная жизнь с Питером.

Ей хватило одной ночи, чтобы отказаться от этой жизни. Сражаться с преступностью – значит существовать с ним бок о бок, изучать его, стараться понять, постигать его внутреннюю логику, а ей было трудно представить себе любимого человека соприкасающимся с таким количеством грязи. Откуда она

могла знать, хватит ли у него стойкости, чтобы не позволить всему этому насилию подточить себя изнутри, и не скажется ли все это на их будущей семье?

Питер был убит решением Кору расстаться, но не винил ее; как раз накануне ему пришлось столкнуться с низостью и скотством в человеческом обличье. Их последний вечер запомнился тихими слезами и искренними сожалениями, но он не мог стать другим, она – тоже. Они даже готовы были пройти часть жизненного пути врозь, чтобы потом все же воссоединиться, только этот путь уже казался обоим слишком долгим.

Теперь, куда бы он ни поехал, он возил с собой ее фотографию. Она же в каждый его день рождения присылала ему открытку.

– Эй, о чем это вы размечтались, Боулз?

Фред издали указывал на свободное место за своим столиком и бутылку арманьяка, которую прислал ему к кофе шеф-повар, чтобы порадовать господина писателя. Они не разговаривали с глазу на глаз уже несколько недель. Питера удивило это приглашение, ничего хорошего он от Фреда не ждал.

– Идите сюда, попробуйте эту штуку, только не говорите, что вы на службе.

Все еще сомневаясь, Питер встал со своего места, на тот случай, если Фред, для которого естественные порывы были совсем не характерны, имел ему что-то сообщить. И правда, это был тот самый случай.

– Вы меня знаете, Боулз, я не умею извиняться, но мне жаль, что я позволил себе лишнее сегодня днем, по телефону. Мне не следовало говорить всего, что я наговорил, это было глупо и грубо.

Федеральный агент, специально обученный, как вести себя в неожиданных ситуациях, не понимал, куда он клонит.

– Тут нет никакого подвоха, Боулз.

Кроме всего прочего, Питер презирал Фреда за поистине животную глупость, в которой тот был воспитан, за эту умственную и нравственную ущербность, которая толкала его на жуткие зверства и в которой он продолжал копошиться, как свинья в закуте, занимаясь своим писательством. Но именно эта глупость делала его извинения особенно трогательными, поскольку ничто так не умиляло Питера, как идиот, признающий свою неправоту. И чем дремучее глупость, тем искреннее выглядят извинения. Питер выпил с Фредом в знак того, что его извинения приняты. Это был короткий момент сердечности среди бесконечной пустыни взаимного презрения.

* * *

Доставив последний заказ, Арнольд вернулся в лавку. Ровно в двадцать два часа команда «Пармезана», вымыв кухню и подведя итоги дня, пожелала друг другу спокойной ночи. Опустив металлическую штору, Мэгги уселась на уличной скамейке, чтобы выкурить единственную за день сигарету. Отсюда ей была видна внушительная пиццерия Франсиса Брете с выстроившимся перед ней десятком скутеров, вокруг которых суетились развозчики.

Несмотря на проведенную на общенациональном уровне рекламную кампанию, их «лазанья из баклажанов с пармезаном» не пользовалась ожидаемым успехом; эти, напротив по-прежнему теряли клиентов, став жертвой странного феномена отторжения. Тогда дирекция поручила Франсису Брете обратиться к Мэгги с предложением выкупить ее предприятие по очень выгодной, несоразмерно большой цене. Договор предусматривал передачу арендуемого помещения, выплату всей суммы взятого займа, эксклюзивное право на рецептуру, запрещение открывать кулинарные заведения с торговлей навынос в радиусе пяти километров от любого из ресторанов сети, обещание трудоустройства для сотрудников и кругленькую сумму для Мэгги и Клары, которая обеспечила бы обоим безоблачное существование на пенсии.

Она вынесла вопрос на обсуждение коллектива, каждый член которого высказался за продолжение деятельности «Пармезана» – они будут держаться сколько придется. «Пусть победа достанется лучшему», – ответила она Брете, не зная, что в таких играх лучший никогда не выигрывает.

Засим последовало объявление войны. Скромный успех «Пармезана» был недопустим по причине гораздо более глубокой, чем недостающие семнадцать

процентов прибыли. Он необъяснимым образом опровергал закон максимальной выгоды, и этот пересмотр самой логики коммерции волновал руководство компании больше всего.

– Вы понимаете, что пытаетесь оспаривать сами основы рыночной экономики? – сказал ей Франсис Брете.

– ?..

И, не найдя других аргументов, добавил:

– У вас что, нет мужа, который спросил бы отчета?

Мэгги с трудом удержалась, чтобы не ответить ему: Упаси тебя бог, дружок, чтобы Джованни Манцони не спросил однажды отчета у тебя.

* * *

Лежа на животе на диване, Бэль пыталась просматривать свои лекции, а Франсуа массировал ей сначала шею, потом поясницу, потом ягодицы, методично разминая их в поисках несуществующих костей.

Их история продолжалась, но оба они отказывались признавать, что любят друг друга. Им просто хотелось быть вместе, заниматься любовью, слушать с увлечением то, что рассказывает другой, предаваться бесконечной нежности и стараться, чтобы все это длилось как можно дольше. Если же надо еще и любить друг друга...

Это счастье пришло к Франсуа без предупреждения, и ему оставалось лишь тихонько прикрыть за ним дверь, чтобы оно осталось. Но каждый раз, когда жестами и взглядами они объяснялись друг другу в любви, когда гармония их тел достигала апогея, Франсуа вдруг ощущал себя ничтожно маленьким перед этой любовной историей, в которую вовлекала его Бэль. В такие моменты, чтобы скрыть свой страх, он начинал говорить, выдавая ей нечто, от чего она чуть не падала. Он не выйдет больше за пределы своего мира, где он живет в окружении шести экранов, потому что этот мир близок к совершенству, потому что он защищен от всеобщего безумия и потому что, оставаясь в нем, он ни

перед кем не обязан отчитываться. Этот мир – прибежище для таких, как он, – неспособных к реальной жизни. Дальше он охотно признавал, что не представляет собой ничего особенного и что любовник он так себе, каких забывают в два счета, и что мужем он будет слабеньким, и отцом никаким. Реальная жизнь поднесла ему единственный настоящий подарок – встречу с Бэль. Но она скоро уйдет из его жизни точно так же, как и вошла в нее, – со скоростью света.

* * *

Перед тем как сбежать из Мазенка, Уоррену оставалось самое трудное – поставить родителей перед свершившимся фактом. Он покидал свое гнездо раньше положенного, не прося у них ничего – ни помощи, ни совета, – и это было особенно унижительно. Они и так всполошатся, поэтому лучше он промолчит о том, что встретил женщину своей жизни, а сосредоточится на карьерных планах.

– Я уйду из лицея, хочу получить профессию. Я все обдумал. Начну с сентября.

Родители постарались не выдать своих чувств и потребовали уточнений относительно этой «профессии», которая прозвучала как тяжелое заболевание.

– Ну это довольно необычно.

– Мне не нравится слово профессия, а это необычно — и подавно, – сказал Фред.

– Знаешь, мы готовы услышать все, что угодно, – добавила Мэгги. – Твой двоюродный дедушка Фрэнк устраивал поджоги на заказ, чтобы выкачивать деньги из страховых компаний.

Уоррен мялся, заранее тоскуя от предстоящих стенаний. Родители представляли себе самое страшное: бродячий гимнаст, политик, стриптизер – занятия, не совместимые с программой «Уитсек», запрещающей появление на публике. Но от Уоррена всего можно было ожидать!

– Скажешь ты или нет, черт тебя подери?!

– Я хочу стать столяром.

- ?..

- Столяром? - повторил Фред, стараясь понять значение этого слова. - Ты хочешь делать шкафы?

- Нет, шкафы делают краснодеревщики. Я хочу работать с деревом, отделявая помещения.

- ?..

Фред и Мэгги переглянулись, думая одно и то же: когда и какую ошибку мы допустили, что дошло до этого?

Уоррен и сам не смог бы объяснить им, отчего вдруг почувствовал призвание к этому делу. Все началось несколько лет назад, в их доме в Нормандии. Мальчику понадобились полки в комнате, и он вполне резонно обратился к отцу. Фред, впадавший в тоску при одной мысли о необходимости забить гвоздь, сделал вид, что не слышит. Устав ждать, Уоррен попросил помощи у матери, но та, занятая своей благотворительностью, так и не нашла времени ни для того, чтобы помочь ему самой, ни чтобы найти мастера. Тогда, окончательно потеряв терпение, он пошел сам в магазин и притащил оттуда доски, крепежный материал, но самое главное - ящик инструментов.

Предоставленный самому себе, четырнадцатилетний мальчишка с ангельским терпением изучал инструкции, замерял размеры, пробовал, прыгающей в руках пилой распиливал доски, дрелью сверлил отверстия для крепления. Шлифовка доставила ему физическое наслаждение - он сам сделал шершавое дерево нежным на ощупь! Жалея, что упустил возможность сблизиться с сыном, Фред зашел к нему, чтобы посмотреть, как тот вышел из положения. При взгляде на набор инструментов на него нахлынули воспоминания. Дрель напомнила ему подвал в Квинсе и того типа, привязанного к батарее, который разговорился только после второй дырки, сделанной в нем шестнадцатимиллиметровым сверлом. Пила вызывала в памяти сутенера Юргена, который забыл отчислить процент с того, что приносили ему девочки. Чтобы его труп нельзя было опознать, пришлось тогда отпилить ему кисти рук и голову. Все это происходило в те счастливые времена, когда анализы ДНК не усложняли работу.

Фред вынужден был признать очевидное: сын сам, без посторонней помощи, собрал стеллаж. Прочный: он понял это, прислонившись к нему.

– Я горжусь тобой, малыш.

Это была неправда. Его разозлило, что тот справился самостоятельно и при этом обошелся без его, отцовской, указки. Мальчишку же распирало от гордости: он сделал что-то своими руками, и это что-то будет теперь частью его дома, и, может быть, еще не одно поколение будет пользоваться его полками. В тот день идея труда соединилась в голове Уоррена с идеей вечности. Ну как мог отец-гангстер наставить его теперь на путь истинный?

Через несколько месяцев после перевода в лицей Монтелимара он записался на экскурсию в Лион, в Музей мастеров. Ему рассказали, кто такие эти мастера, как они обучались ремеслу – по старинке, объезжая лучшие предприятия Франции, чтобы усовершенствовать свои знания по каждой специальности. Их паломничество завершалось созданием «шедевра», в котором они показывали все, чему научились. В музее было выставлено множество таких работ, в том числе и «шедевр» их гида, Бертрана Донзело, который рассказывал о своем ремесле с неменьшим удовольствием, чем работал. Это была невиданная по сложности и красоте винтовая лестница. После экскурсии Уоррен забросал старого мастера вопросами, интересуясь деталями такой работы, и тот с радостью поделился всем, что знал. Они встретились еще раз неподалеку от Валанса, в мастерской старика, специализировавшегося на самых тонких изделиях, в том числе на старинных паркетах и винтовых лестницах. У него было много заказов – гораздо больше, чем учеников, способных отжаться такой невероятно тонкой работе.

Поначалу Мэгги просто остолбенела. Уоррен всегда был скрытным, чуть что, с головой уходил в третье тысячелетие – и нет его, но чтобы он решил стать... ремесленником?

– Я не пойду в последний класс, а поступлю в Монтелимаре в профессионально-технический лицей, выучусь на столяра, а потом уеду в Веркор, там недалеко от Валанса живет один мастер, он поможет мне устроиться.

Реакция Фреда не заставила себя долго ждать. Несколько дней спустя он прижал сына в уголке, чтобы поговорить с ним по-мужски.

– Если бы ты решил пойти по моим стопам, начать с того места, на котором мне пришлось все бросить, я не похвалил бы тебя. Но я бы понял.

– ...

– Если бы ты решил пойти в ФБР, я и это понял бы. Ты ловил бы типов вроде меня, обезвреживал их. Ты работал бы против меня. Твой путь был бы полной противоположностью моему, но ты все равно шел бы по моим стопам, хотя и в другую сторону. Но это... Стелить полы...

Через два года, получив свидетельство об окончании профессионального лица, Уоррен поступил подмастерьем к Бертрану Донзелю. Там, в Веркоре, его дни протекали между комнатой, которую он снимал в домике на опушке леса, и столярной мастерской. Его мускулы понемногу привыкали к новым нагрузкам, тело – к новому образу жизни, а чувства – к новым открытиям. Он ложился и вставал вместе с солнцем, много работал, мало говорил и наслаждался дикой природой, без усталости исследуя окрестности. Зима здесь была такой суровой, что в некоторые уголки приходилось добираться на собачьих упряжках, а местные жители нередко передвигались по снегу на снегоступах. Программа «Уитсек» вполне могла бы переселять сюда раскаявшихся преступников на веки вечные: невозможно представить себе киллера из ЛКН, который смог бы вынести такой холод и рельеф. Эти места были когда-то оплотом Соппротивления, и, пожив там немного, Уоррен уже не удивлялся этому.

* * *

Боулз в два глотка опустошил рюмку арманьяка и резким жестом поставил ее обратно на стол – как на стойку бара. Он пил редко, но признавал только крепкий алкоголь, запивая его иногда пивом – чтобы погасить огонь, и, за исключением этого вечера, никогда не пил на службе.

– Ни в какое сравнение не идет с нашей доброй текилой, – сказал он, – но я ценю хорошо выдержанный яд.

– Это презент заведения, – ответил Фред, – а вообще-то, я угощаю.

– Ваши счета, Уэйн, как и мои, оплачивает американский налогоплательщик.

– Ну да, только у меня от этого аппетит разыгрывается, а у вас – пропадает, вот в чем разница. Кроме того, если вы призовете этого бедного американского налогоплательщика сюда к столу, вы будете вынуждены признать, что я обхожусь ему гораздо дешевле, чем раньше. Все же я кое-что зарабатываю на своих книжках, Мэгги – на своей лавчонке, ребята живут самостоятельно, им давно уже хотелось сорваться с крючка Дяди Сэма и папаши-жулика. Добавлю, что мы сами платим за аренду этого особняка, за которым вы следите, как курица за цыплятами. Я не виноват, что ваше начальство поселило вас в стенном шкафу.

– А мне вот интересно, почему Бюро до сих пор так носится с вами, а не пошлет ко всем чертям.

После «Процесса пяти семей», несмотря на обещанную награду в двадцать миллионов долларов, мафии так и не удалось достать и покарать предателя, как она карала других до него. Сегодня, когда прошло уже двенадцать лет, риск возмездия казался гораздо меньшим, чем раньше; даже самые отчаянные и самые злопамятные из главарей начинали забывать эту крысу Манцони. Ради чего тогда надо было содержать эту сложную систему наблюдения со всем ее видимым и невидимым материально-техническим обеспечением?

– Все-таки вы, фэбээровцы, твари неблагодарные, – сказал Фред. – Скольких вы выбросили вот так, выдоив из них все, что вам было нужно? Луи Форка нашли порубленным на куски ровно через сорок восемь часов после того, как ФБР прекратило с ним дела. То же случилось с Карлом Кьюпэком, не говоря уж о Поле Липпи, которого один из ваших элементарно продал его злейшему врагу. Потому что среди вас тоже есть стукачи, господа федеральные служащие.

– Это не было доказано.

– Вам ли не знать, Боулз? Ваш коллега получил за сделку пятьсот тысяч. Что вы думаете? В те времена, когда я еще состоял в ЛКН, у меня был список федералов, которые кормились за наш счет. Я знаю классику и никогда не попадусь на том, на чем прокололись мои предшественники.

– Это все равно не объясняет вашего права на такое обхождение.

– Ответ известен только двоим. Вашему шефу Тому Квинту и мне. И если он вас не посвящает в эти дела, то на меня и подавно не рассчитывайте. Мы заключили соглашение.

Знаменитый капитан ФБР Томас Квинтильяни, которого все звали Томом Квинтом, сам занимался разработкой программы по охране свидетеля Манцони, его жены и детей. Это он переселил их во Францию, дал им новые имена, следил за ними и заставлял так часто менять место жительства. Квинт и сам перебрался в Европу, чтобы на месте заниматься последствиями дела Манцони, которым, казалось, не будет конца. Французские секретные службы и контрразведка позволили ФБР разместить на своей территории раскаявшегося преступника в обмен на обучение защите свидетелей, которое предоставлял им Квинт. Эта совершенно новая для Европы программа внедрялась в различных странах.

– Я хитрее всех инструкторов Квантико[9 - Центр подготовки сотрудников ФБР. (Примеч. автора.)], вместе взятых, и вы долго еще будете с меня пылинки сдувать, ребята. Я еще многих, таких как ты, пересажу, Боулз.

Перемирие длилось ровно столько, сколько понадобилось, чтобы выпить по рюмке. Как устал Питер от этой бесконечной войны! Ему захотелось вернуться поскорее к себе и позвонить Маркусу, в отдел персонала, чтобы тот сказал наконец, когда его сменят.

* * *

Фред сидел перед камином со стаканом в руке. Ему было слишком одиноко и не хотелось ложиться в пустую постель. В такой вечер, за неимением Мэгги, подошла бы любая другая: ему сейчас нужны не любовь, не секс, а просто женская ласка. Чем старше он становится, тем труднее без нее обходиться. Когда-то он принадлежал к братству подонков и теперь был рад, что избавился от мужского общества. Сколько вечеров просидел он за покером, сколько съел спагетти, сколько посетил борделей с парнями из своей команды, становившимися с годами все пузатее и сварливее. Когда надо было разбираться с другой бандой, ему приходилось встречаться с такими же пузатыми и сварливыми типами, притворяться, что все они друзья, целоваться по-братски – сущее наказание. А эти их шуточки, которые он просто не выносил, – сальные, как они сами! А попойки до посинения с этими тварями, допивавшимися до того, что им было не добраться до собственного дома! И ведь

он, Фред, был одним из них. Сегодня он благодарен Небу за то, что ему не надо больше мучиться на этих вечеринках, где каждый изливал свои излишки тестостерона как мог: либо обзывая всех женщин на земле шлюхами, либо устраивая мордобой кому ни попадя. В последние годы он старался поскорее сбежать от них, ссылаясь на семейные неприятности, чтобы не обидеть и не лишиться их доверия. На самом же деле он просто шел домой, чтобы посмотреть с Ливией фильм, или назначал свидание любовнице в самом шикарном отеле Ньюарка, но не обязательно для секса, а просто чтобы насладиться ее присутствием, ее запахом, ее голосом, мелодично звучащим во тьме, ее обнаженным телом, которое она дарила ему в простоте душевной. Устанавливавшуюся между ними в такие минуты близость легко можно было принять за нежность. Не надо было больше ни любой ценой доказывать свою мужскую силу, ни демонстрировать природную жестокость, ни завоевывать новые территории, ни потрошить жертв. Все это Джованни откладывал на завтра, иногда втайне желая, чтобы оно никогда не наступало. И теперь, годы спустя, когда он пытался иногда анализировать причины, заставившие его принять участие в том процессе, заложить товарищей и раз и навсегда порвать с коза нострой, он приходил к выводу, что эта идея зародилась в такую вот ночь, проведенную один на один с женщиной.

Прежде чем отправиться спать, он присел за пишущую машинку, достал блокнот, куда записывал обычно все, что приходило ему в голову, вставил в каретку заполненный на три четверти лист, озаглавленный Заметки, и напечатал урожай за прошедший день:

- Постараться употребить слова «печаль» и «порча».
- А также фразу: «я ценю хорошо выдержанный яд».
- Дописать эту чертову 28-ю страницу до завтрашнего вечера.

В этом году Уэйны встречали Рождество врозь, и Фред, оставшийся в одиночестве на своем холме, видел в этом особый знак. Мэгги не решилась бросить свою команду в сочельник; после работы они собрались впятером, чтобы распить несколько бутылок вина, раскрыв двери «Пармезана» для бродяг и бездомных со всей округи, – незабываемая ночь. Бэль, в свою очередь позволила Франсуа Ларжильеру превратить Рождество в языческий праздник – и не пожалела об этом. Уоррен был приглашен к Деларю на символический акт возведения в сан будущего зятя; отец Лены, увидев его за столом, сказал: «Ну что же, вся семья в сборе, можно начинать». Ну а Фред пировал один на один с собакой, которой достался увесистый кусок индейки.

В первый уик-энд февраля семья вновь собралась вместе. Сначала, в пятницу вечером, приехала Мэгги с единственным желанием: проспать часов двенадцать кряду. Первое разочарование Фред испытал, когда, даже не дав себя поцеловать, она прошла в гостиную, чтобы просмотреть свою почту и кому-то позвонить. Она машинально проглотила две ложки горохового супа-пюре: этот рецепт Фред нашел в одном из журналов, читать которые она теперь не успевала. В разгар ужина у нее зазвонил мобильный телефон, и Фред не успел даже выразить свое неудовольствие, как Мэгги уже ответила на звонок.

– Что значит – нет больше лотков на четыре порции? А в кладовке? За картонными коробками? Дай-ка сюда Рафи...

Глядя, как она встает и отходит в сторону, чтобы продолжить разговор вполголоса, Фред пожал плечами.

– Ты говорила им, что у тебя есть и твоя собственная жизнь?

В ответ Мэгги напомнила ему времена, когда, став шефом клана, он возвращался домой не раньше пяти-шести часов утра.

– И ради чего? Ради «работы», как ты это называл? Нет, ради того, чтобы болтаться с недоумками по грязным притонам, провонявшим сигарным дымом и одеколоном.

Она снова спросила его, почему он злится на эту ее авантюру с «Пармезаном». Фред предпочел отмолчаться, боясь высказать все, что накопилось у него на душе. Конечно, его злило это позднее, мучительное одиночество, на которое она

его обрекла, но главная причина была не в этом. Он злился на то, что она смогла добиться полной профессиональной независимости, которая влекла за собой независимость другого рода, более глубокую. Создавая свой бизнес в Париже, она закладывала основы новой жизни, жизни без Фреда.

В течение последующего часа он ждал с ее стороны какого-нибудь ласкового жеста, которого не последовало. Хуже всего была эта ее манера исчезать из комнаты без предупреждения. Обидевшись, он ушел к себе в кабинет и написал кусок, в котором главный герой изливал весь свой сексуальный пыл на двух проституток, готовых абсолютно на все. Фред сам удивился богатству своего воображения и лихости, с которой он расписывал ситуации, которые сам не переживал. В два часа ночи, в порыве мстительного вдохновения, подогреваемого водкой, он занялся сочинением чисто порнографической сцены, выдохнувшись лишь на заре.

Уже одиннадцать дней, как он не занимался любовью с женой, отныне единственной его партнершей. В деревне с какой-то сотней жителей да еще и с этим Боулзом, постоянно висевшим у него на хвосте, Фред и помыслить не мог о том, чтобы «похаживать на сторону». А ведь в лучшие времена такого просто не могло быть. Он позвонил бы Джени, своей fuck buddy, постоянной подружке: ей нравилось доставлять ему удовольствие, не задавая при этом лишних вопросов, а он в ответ заваливал ее подарками, создавая иллюзию, что та делает это не за деньги. А еще у него была красotka Матильда, недоступная, божественная Матильда. Джанни мечтал о ней, еще когда встречал ее в «Твин-клубе» под руку с Амадео Кортеше, царившим тогда над всем Ист-Эндом; в знак уважения к любовнице капо Джанни легким поцелуем касался тыльной стороны ее ладони, испытывая при этом непреодолимое желание схватить ее, скрутить, чтобы она закричала вот тут, при всех. Когда Амадео умер, она дерзнула явиться на похороны, и вдова плюнула ей в лицо прямо у гроба. Как все бывшие любовницы мафиози, Матильда впала в нищету, работала она полдня в цветочном магазине, жила в ветхой однокомнатной квартирке на окраине Ньюарка. Джованни Манцони навестил ее, чтобы, так сказать, засвидетельствовать свое почтение и заверить, что всегда будет считать ее своим другом. Через неделю после этого они уже переспали вместе, распив предварительно бутылку шампанского, которым отныне ее никто, кроме него, не угощал.

Одной из двух проституток Фред придал черты Матильды и еще больше вдохновился от этого. В своей особой манере он описал два-три затейливых приемчика, которые они обычно с ней практиковали. Фред перечитал

написанное. Пусть он не спал сегодня с женой, зато за ночь сочинил на редкость зажигательные четыре странички – он даже сам удивился. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

В восемь часов за шторами начало светать, и Мэгги, свежая и отдохнувшая, потянулась в постели. Она захотела было притянуть Фреда к себе, обнять его и одарить ласками, которых лишила его накануне. Но тот повернулся к ней спиной и сказал, засыпая:

– Я работал всю ночь, дорогая, я просто подыхаю от усталости.

* * *

Бэль приехала в Монтелимар одиннадцатичасовым скорым поездом. Мать ждала ее на автостоянке, прислонившись спиной к машине. С тех пор как «Пармезану» стала угрожать опасность, Мэгги постоянно испытывала чувство вины, находясь вдали от своей команды. Она была гораздо нужнее сейчас там, на улице Мон-Луи, в Двадцатом округе Парижа, чем тут, на холме Мазенк. Бэль удивилась, не увидев отца, который обычно всегда приезжал за ней в сопровождении неизменного Боулза.

– Он спит, – сказала Мэгги. – Всю ночь воображал себя Стивеном Кингом.

Едва войдя в дом, Бэль поднялась в желтую комнату окнами на юг и оказалась среди своего старого девичьего хлама – вещей, привезенных из разных городов, где побывали Манцони. Вот только из Ньюарка здесь почти ничего не было, кроме плюшевой мыши по имени Грогги, которую она с детства повсюду таскала за собой. Она легла на кровать и достала свой мобильный телефон в надежде обнаружить на нем сообщение от Ларжильера. Этот гад никогда не звонит ей, боясь, чтобы к тому времени, когда они расстанутся, это не вошло у него в привычку. Как будто она требует от него каких-то обязательств или ждет, что он изменит что-то в своем образе жизни! Наоборот, она принимает его таким, каков он есть, со всеми его странностями, даже самыми заумными. Увидев, что сообщений нет, она снова возненавидела его – в сотый раз за сегодняшний день, а ведь был еще только полдень.

Когда Фред встал, Бэль бросилась к нему в объятия и потащила его в летнюю гостиную, чтобы поболтать до обеда наедине. Он сразу заметил оттенок грусти на лице своей обожаемой дочери.

- Ну, расскажи, как ты живешь, - спросил он ее. - Я хочу слышать только дурные новости. Я умею разделяться с ними - есть у меня еще такой талант, доченька.

- Никаких дурных новостей нет.

- Неправда, ты похудела, а это значит, что тебе плохо.

- Да нет же, я вовсе не похудела и мне совсем не плохо.

- У тебя кто-то есть и этот кто-то заставляет тебя страдать?

- Откуда ты взял? - ответила она, краснея, оттого что отец попал в точку.

- Пусть он мне только попадет, я ему...

- Знаю, папа, ты уже описывал все, что с ним сделаешь. Если я правильно запомнила, ты собирался начать с коленей.

- Колени хорошо отделать дубинкой или, за неимением дубинки, свинцовой трубой. Если бить правильно - сбоку, то этот тип всю оставшуюся жизнь будет ходить как по палубе во время шторма. Затем я обработаю ему живот мешком с апельсинами. Знаешь, что это такое?

- Да, папа. Пять апельсинов кладутся в мешок, а затем этим мешком бьют по животу, так чтобы вызвать внутренние кровотечения, при этом снаружи ничего не будет видно.

- Ну и напоследок - зубы. После моей чистки он будет говорить так: Я фольфе не фуфу! - что означает: Я больше не буду!

- Папа...

– Если кто-нибудь сделает тебе плохо, я именно это с ним и проделаю. Клянусь тебе. Можешь так ему и сказать.

Несмотря на серьезность тона, Фред испытывал настоящее удовольствие, представляя себе, как расправится с этим паршивцем, влюбившимся в его дочь. Бэль же, несмотря на нарисованные им жуткие картины, не могла не улыбнуться, представив себе разобранного на части Франсуа Ларжильера. Которого она сама же и соберет, после чего он станет ее вечным должником.

Мэгги, с садовым шлангом в руках, наблюдала за ними издали и жалела, что не слышит ни слова из их шушуканья. Она без всякого восторга занималась садом, пришедшим со времени ее отъезда в полное запустение: на тамариск жалко смотреть, смоковница в этом году почти не плодоносила, розы явно не переживут зиму, а белый лавр совсем зачах.

– Сегодня ведь суббота? Придет машина с пиццей. Сходи купи четыре штуки, – попросила она Фреда. – С салатом будет вполне достаточно.

Просьба, высказанная твердым тоном, не подлежала обжалованию. Фред снял трубку и, не набирая номера, привычно подождал ответа.

– Боулз? Я иду за пиццей. Могу сходить и один – смотрите сами. Может, и на вас захватить?

Федеральный агент знал, что в присутствии семьи Фред гораздо меньше способен на глупости.

– Овощную, без сыра.

Накинув кожаную куртку, Фред спустился в деревню, на центральную площадь, где пересекались дороги из Монтелимара и Дьельфи. Он остановился у бистро заказать два пастиса, которые собирался выпить с пиццой прямо у его машины. Это был ритуал, соблюдавшийся и зимой и летом.

– Глядите-ка – писатель, – сказал тот, вытирая испачканный мукой потный лоб. – Вот ведь ругает, ругает мою пиццу, а все равно приходит за ней.

– Ну, с тестом вы, кажется, что-то уже поняли, а вот над начинкой вам еще работать и работать.

Фреду удалось найти общий язык с жителями Мазенка: те считали его творческой личностью, укрывшейся от мира в своем замке, чтобы творить сутки напролет. С другой стороны, он был веселый малый и мог потрепаться с деревенскими сплетниками, выпить с местными пьяницами и приласкать собачку какой-нибудь старушки. Продавец пиццы Пьер Фулон был одним из немногих, чье расположение Фред действительно хотел завоевать.

– Скоро вы перестанете ругать мою пиццу, писатель.

– Почему? Вы что, собираетесь отправиться на учебу к Матео, в Неаполь?

– Да нет, просто мне придется закрыть лавочку.

– Правда?

– Правда-правда.

– Беру все свои слова обратно. У вас отличная пицца, особенно кальцоне[10 - Закрытая пицца, рулет (ит.).].

– Кроме шуток. Закрываюсь я.

Чувствовалось, что ему хочется поделиться.

– Не выходит у меня ничего, надо продавать грузовик.

– Но... Вы же сами недавно говорили, что вас уже знают повсюду в округе.

– Верно.

– Знаете, у моей жены в Париже есть заведение, похожее на ваше, еда навынос, что-то в таком роде. Если у вас сложности с бухгалтерией, она могла бы вам что-нибудь посоветовать.

Пьер Фулон, бывший шофер-дальнобойщик, за долгие годы работы исколесил всю Европу. Однажды, устав от такой жизни и осознав, что не видит, как растет его младшенькая, он уволился на свой страх и риск, чтобы поставить все на осуществление давней мечты, пахнувшей мукой и томатным соусом. Он купил грузовичок и лицензию и, преодолев первые трудности, стал местным пиццайоло, объезжая каждую неделю семь или восемь окрестных деревень. Вечером, всегда в одно и то же время, он возвращался домой, чтобы поиграть с младшенькой, особенно любившей его пиццу с анчоусами.

- Да нет, дело не в бухгалтерии.

Фреду уже было не отвертеться от этого потока откровений, без которого он вполне мог бы обойтись. И зачем только он завел этот разговор? Теперь его не остановишь...

- Так в чем же проблема? - без всякого интереса спросил он.

Для финансирования своего предприятия и оплаты грузовичка и пекарни Пьер Фулон был вынужден сдать внаем единственное свое достояние - большую трехкомнатную квартиру в Монтелимаре. Сам же с семьей перебрался в деревню, где начал новую жизнь. Однако положение его было довольно шатким, бывали месяцы, когда какая-нибудь сотня евро могла нарушить это неустойчивое равновесие.

Интересно, почему люди всегда рассказывают о своих проблемах с такими жуткими подробностями, подумал Фред. Ему казалось просто неприличным доверяться малознакомому человеку, да еще и показывать ему свою слабость.

- ...Но настоящие заморочки начались год назад, - продолжал тот.

Его жилец вдруг перестал платить за квартиру. Пьер Фулон ждал, пытался договориться, предложил ему даже переселиться в сарай - удобств, конечно, немного, но зато бесплатно, но наглый жилец смеялся ему в лицо.

Фред едва слушал его и молился, чтобы пиццайоло занялся наконец тестом. Две пиццы кальцоне, две неаполитанские и одна овощная без сыра сами собой не образуются, не торчат же тут весь день, тем более что он вполне может жаловаться на судьбу, одновременно замешивая тесто, черт бы его побрал!

– Я хотел подать на него жалобу, но социальные службы ее отклонили: нельзя выставлять человека на улицу среди зимы. Но я вам главное скажу: парень-то, оказывается, при деньгах! Он там у меня еще и покер организует!

Где Фред будет брать пиццу, если Пьер Фулон прикроет свою лавочку? Он уже попробовал две-три пиццерии в Монтелимаре, но ни одна его не устроила. О заморо?зке и прочих подобных мерзостях не может быть и речи. Тогда что?

– А еще соседи сообщили о неполадках с водой и каком-то строительном шуме в квартире, и это мне совсем не понравилось. Тогда я решил сам туда наведаться, знаю, что не имел такого права, но у меня был дубликат ключей.

Самому готовить? Но для этого нужно оборудование, обычная плита не дает необходимого жара. Поставить печь для пиццы прямо в саду? Так за ней придется ухаживать не меньше, чем за бассейном, не говоря уж о работах, о запросе на разрешение – хлопот не оберешься.

– Я не успел ничего разглядеть, как этот козел-жилец вызвал полицию. Он даже заявление подал о взломе. По закону имеет право.

Теперь над Пьером Фулоном висели лишение свободы и штраф в пятнадцать тысяч евро.

– Надеюсь, меня возьмут на старую работу – чтобы рассчитаться с долгами.

– А вы подумали о тех, кто останется без вашей пиццы? Надо бороться, должно же быть какое-то решение. И когда вы справитесь с этим испытанием, то поймете, как верна пословица: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Но тот не понимал, как такой удар судьбы может оказаться на пользу.

– Единственное утешение для меня, – сказал Фред, – это то, что я никогда не увижу больше в вашем меню этой гадости – гавайской пиццы. Ананас и кукуруза на одной лепешке? Фу-у-у...

* * *

Дома у родителей Уоррен утратил свой обычный юмор – тот самый, которым он так умело пользовался с детства, защищаясь им наподобие доспеха от посягательств на свою личность. Он не посмеивался больше ни над литературными амбициями отца, ни над коммерческими экспериментами матери, мучась вопросом, не пора ли объявить им о своей связи с Леной. До сих пор он скрывал от них эти отношения, боясь, что они воспротивятся его решению, как это было с его работой. Когда ему предложили салат, он чуть не ляпнул, что влюблен в девушку-вегетарианку, которая здорово готовит водоросли и тофу. Когда заговорили о грозе, которая, возможно, разразится после обеда, он чуть не добавил, что его девушка ужасно боится грома и что это отличная причина, чтобы на ней жениться. Однако, слушая, как отец спрашивает его: «Ты что, не ешь краешки пиццы?», как мать жалуется на слишком большие отчисления на соцобеспечение, глядя, как сестра возится с мобильником, Уоррен решил, что подходящий момент еще не настал, и тут же засомневался, настанет ли он вообще когда-нибудь. Он дождался конца обеда, чтобы сразу помчаться в Монтелимар и до вечера пробыть у своей возлюбленной. Но когда он встал из-за стола, отец сказал ему:

– Поможешь мне сегодня привести в порядок бассейн? Надо спустить воду и почистить его, а то там уже завелись неизвестные представители флоры и фауны.

Фред придумал этот предлог, чтобы побыть с ним наедине, и Уоррен не решился, едва приехав, отмахнуться от отца. Фреду же хотелось узнать, не изменил ли сын своего намерения или все так же собирается стать полировщиком паркета.

– Твой прадед заправлял в Атлантик-Сити, когда великий Аль создавал преступный синдикат. Твой дед был доверенным лицом Лучано. Я, твой отец, поднял армию и завоевал все Восточное побережье. А ты собираешься гнуть спину на хозяина с рубанком в руках?

Такие разговоры были одной из причин, по которым Уоррен старался как можно реже показываться на холме Мазенка. Он не пытался больше оправдываться, а лишь удивлялся презрению, с каким отец относился к будущему сына. Отец, с которым сын не мог поделиться двумя самыми главными событиями своей новой, взрослой жизни.

Остаток дня они провели в глубоком молчании – чистили, сливали, откачивали загнившую воду – под неусыпным наблюдением Малавиты и Боулза, приникшего к окошку своей комнаты. Фреду захотелось, пока сын не отправился к себе наверх, хоть немного восстановить с ним дружеские отношения, и он спросил как бы невзначай:

– И когда ты покажешь нам свою невесту?

Уоррен уже несколько месяцев ждал такого удобного случая, и вот этот случай представился сам собой. Он готов был уже признаться в любви к девушке, которая – это судьба! – окончательно и бесповоротно вошла в его жизнь. Но не успел он пуститься в откровения, как Фред добавил:

– Да это я так говорю – невесту. Подумай о своем старом отце, брошенном тут без друзей, без знакомых. Навези-ка сюда девиц, да побольше, чтоб разгуливали вокруг бассейна без лифчиков, – больших и маленьких, беленьких и черненьких, всяких разных, каких захочешь. Уважь старика. На тебя вся надежда, сынок!

* * *

Когда настала ночь, Фред и Мэгги занялись любовью, после чего наконец-то смогли поговорить.

– Прости, у меня вчера, когда я приехала, было жуткое настроение. Набросилась на тебя как собака.

– Мне больше нравится, когда ты набрасываешься на меня как сука.

Они согласились друг с другом, что теперь, прежде чем оказаться в постели, им надо побыть под одной крышей не меньше суток; потом перешли к насущным темам: работа, семья, ФБР. Они заснули, но через час дурной сон заставил Фреда очнуться, он стал ворочаться, взбивать подушку и разбудил Мэгги.

– Ты что, опять собираешься играть в писателя?

Великое вдохновение, снизошедшее на Фреда накануне, посещало его нечасто, и сейчас он не испытывал ни малейшего желания садиться за работу. Да и во

сне ему явился не литературный персонаж, а совершенно реальный тип. Ладно бы еще его потревожила какая-нибудь из прежних жертв – тут было из чего выбрать. Но почему в три часа ночи немым укором перед ним замаячило лицо Пьера Фулона? Этому-то он ничего плохого не сделал, совсем даже наоборот. Они называли друг друга «писатель» и «пиццайоло», выпивали вместе, шутили, а не далее как сегодня днем Фред выслушивал его жалобы. Да, у парня трудный период, но в этом мире каждому приходится нести свой крест. И как такой замухрышка вообще может сниться? Кто он такой? Да никто – часть декорации; исчезни сегодня-завтра со сцены, никто и не заметит?

Нет, снова ему не уснуть, надо принимать меры. Он подумал было посмотреть, надев наушники, DVD, но фильмов, способных его усыпить, было мало. Снотворное? Нет, Фред слишком боялся этого ватного состояния, в которое его погружали лекарства. Тогда что?

Недолго думая, он взял с тумбочки роман в семьсот тридцать одну страницу, карманное издание – триста восемьдесят граммов литературы. Он взвесил его на руке, как взвешивал собственные романы, когда получал готовый экземпляр. Этот будет потяжелее, шрифт мельче, строчки плотнее. Настоящая книга.

Фред написал больше страниц, чем прочел. Самое время обратиться к классикам – надо же понять, благодаря чему они ими стали. Это решение прочитать от начала до конца роман, написанный кем-то другим, пришло к нему не сразу. В то время как один тихий голосок внутри его шептал, что он не виноват, что не любит читать, другой напоминал: его собственные сын и дочь с детства и без всякого принуждения читают книжки, в которых нет ни одной картинки, и ведь находят в этом удовольствие! И другие люди в разных точках земного шара в разное время дня и ночи испытывают такое же наслаждение. Они не становятся от этого ни интеллектуалами, ни фанатами чтения, они просто читатели – погружаются время от времени в книгу и пускаются в странствие по ее страницам. Застыв в неподвижности на долгие часы, они дают волю воображению, позволяя вести себя туда, куда захочет автор. Так почему же я так не могу, черт побери? После пятидесяти одного года раздумий Фред ощутил наконец в себе силы раскрыть книгу и прочитать ее до последней страницы. Когда-то он был способен на подвиги, немыслимые для большинства смертных, как то: набить морды целой банде байкеров, заблокировавших въезд на парковку, или взорвать бензоколонку – так неужели ему не осилить какую-то книгу?

Выбор ее и ожидание доставили ему особое удовольствие. Начиная новую, неизведанную жизнь читателя, он решил брать как можно выше. Главное было найти такую книгу, раскрывая которую ты будтоходишь в церковь, мощный роман, способный расколоть мир надвое – на тех, кто его читал, и всех остальных. Из имен, пришедших ему на ум, были Хемингуэй и Стейнбек. Образ первого нравился Фреду: мужественный парень, бокс, коррида, драки, война – из всего этого должны получаться хорошие романы. Но Хемингуэй – монумент, национальное достояние, он настолько известен, что читать его нет никакой необходимости, с великими писателями всегда так. Стейнбек тоже монумент в своем роде, но не такой броский, более утонченный, у него и вещи-то, наверно, более изысканные, вроде вот этого: «О мышах и людях». А может, это Фолкнер написал? Или еще кто-нибудь? Чтобы выяснить это, Фред раскрыл словарь. Оказалось, что Уильям Фолкнер написал «Дикие пальмы» и «Шум и ярость», которые Фред готов был приписать Стейнбеку по странной ассоциации с «Гроздьями гнева». А вот авторство «О мышах и людях» принадлежало именно Стейнбеку, правда, Фред готов был поспорить, что «На восток от Эдема» – это не его вещь, а Хемингуэя, читать которую уже не стоило, поскольку он видел фильм.

В списке произведений Фолкнера он остановился на незнакомом названии, которое вполне могло сгодиться: «Когда я умирала». Фред прекрасно представлял себе, как будет читать эту книгу. Он столько раз видел, как умирают люди, что ему было интересно послушать признания такого бедняги. Фред дорого дал бы за такое название, он уже видел себя за столиком бистро в Мазенке, перед ним раскрытая книга, а рядом хозяин бистро спрашивает: «„Когда я умирал“ – о чем это, мсье Уэйн?» А и правда, о чем?

То, что он прочел в энциклопедии, ему не понравилось: речь шла о семье фермеров, которые перевозят в тележке разлагающееся тело матери. Увы, Фреду самому довелось пережить нечто подобное, и даже если обстоятельства тогда были совершенно иные, ему вовсе не хотелось, читая книгу, будить такие тяжелые воспоминания. Его мать Амелия Манцони, урожденная Фьоре, умерла во сне от эмболии легочной артерии, что затруднило определение причины смерти. На том бы дело и кончилось, если бы за несколько дней до смерти Амелию не навестил ее брат Тони, чтобы припрятать у нее сто пятьдесят тысяч долларов, взятых им во время ограбления одного ювелира. Полиция сделала обыск и обнаружила деньги, но Тони успел сбежать в Канаду, чтобы отсидеться там до лучших времен. Следователь, который вел дело, потребовал вскрытия, желая установить связь между этой внезапной смертью и обнаруженной суммой денег. Чезаре, его отец, попытался убедить власти в том, что речь идет о чистом

совпадении, однако им пришлось какое-то время ждать разрешения для выдачи тела семье. В течение этих трех дней все Фьоре сгрудились у Манцони, и эта скученность и теснота лишь обострили существовавшие между ними напряженные отношения. Разрешение на похороны было воспринято как избавление, дело провернули в одно утро. Дядюшке Тони, который по-прежнему находился в бегах, удалось-таки попрощаться со старшей сестрой, а вот свои сто пятьдесят тысяч он больше не увидел.

Итак, с этими тремя писателями ему не повезло, и Фред решил обратиться к Дос Пассосу – исключительно ради звучности фамилии. Дос Пассос. Еще не начав читать, он уже хотел дойти до конца, чтобы в разговоре к месту и не к месту вставлять: «Джон Дос Пассос». В библиографии Фред остановился на «42-й параллели», но потом понял, что вся трилогия составляет не меньше тысячи страниц. Тогда его внимание привлек «Манхэттен», «монументальное полотно об истории возникновения Нью-Йорка». Монументальное полотно об истории возникновения Нью-Йорка? Он сам из Нью-Йорка, и ему не больно-то интересно читать о том, как Нью-Йорк стал Нью-Йорком, он и сам внес в это дело свою скромную лепту. Забыв про Дос Пассоса, Фред стал присматриваться к Скотту Фицджеральду, который имел неосторожность написать роман под названием «Ночь нежна». Фред не решался читать «Ночь нежна», после того как отверг «Когда я умирала». Конечно, если бы «Когда я умирала» написал Дос Пассос и если бы в этой книжке рассказывалось не о семье, которая жаждет отделаться от трупа матери, а о чем-нибудь другом, проблема была бы решена. Господи, и как только настоящие читатели выбирают, что им читать?

И вот однажды вечером, когда он смотрел по «Нэйшнл джеографик» документальный фильм о китах, его осенило: он будет читать «Моби Дика» Германа Мелвилла.

«Моби Дик» – это ведь история про одного типа, который всю жизнь гоняется за китом? Приключения, преодоление трудностей, океанские просторы – чего лучше? Целые поколения читателей – от малограмотных до эрудитов – были в восторге от этого романа. В энциклопедии он прочел, что автора всю жизнь преследовала мысль, что его творчество не будет признано при жизни. Фред прекрасно мог понять такую тревогу. Зачем искать еще чего-то? Это будет Мелвилл.

Ввиду невозможности достать «Моби Дика» по-английски в Монтелимаре Фред подумал было попросить жену привезти ему книгу из Парижа. Но Мэгги,

безжалостно критиковавшая литературные поползновения мужа, если и исполнила бы эту его просьбу, то крайне неохотно, и уж точно не преминула бы лишний раз его кольнуть. Не имея доступа к Интернету, Фред попросил Боулза заказать ему книгу в американском интернет-магазине.

Неделю спустя, достав книгу из почтового ящика, Фред вдруг испугался и спрятал ее в прикроватную тумбочку, даже не раскрыв. Несколько дней он оттягивал решающий момент, выискивая для этого все новые и новые причины. Он даже удвоил темп работы – чтобы у него не оставалось ни времени, ни сил приступить к чтению. Раскрой же ее, черт побери, а дальше Мелвилл сам сделает свое дело.

В эту бессонную ночь, лежа рядом с прижавшейся к нему женой, он понял, что момент настал. Он зажег ночник, сел в постели, стараясь не разбудить Мэгги, и раскрыл роман на первой строчке первой главы.

Зовите меня Измаил.

Ну вот. Он читает Германа Мелвилла.

Он только что бросился на штурм «Моби Дика»!

Темной ночью, при розовом свете ночника, Фред впервые в жизни отправлялся в долгое плавание, начинавшееся словами:

Зовите меня Измаил.

Сколько препятствий преодолел он, начиная с самого детства, прежде чем добраться до начала этого романа? В доме Манцони он ни разу не видел ни одной книги, там читали только газеты, главным образом для того, чтобы узнавать новости о семье, когда одного из ее членов арестовывали или отдавали под суд. Сколько раз он видел, как отец, оторвавшись от газеты, говорил: «Теперь я понимаю, почему кузен Винни не отвечает на телефон: он только что

схлопотал два года в Джолиете». Настоящие книги маленький Джанни увидел, только когда пошел в школу, но он едва успел освоить алфавит, как вынужден был вернуться на улицу, где организовал свою первую банду. Его личное дело было передано в префектуру Ньюарка, и с этого дня школа и все, чему там учили, отошли для него в прошлое.

В последующие годы он не просто не читал книг, а еще и трубил направо и налево о своем отвращении к литературе. В первый раз он проклял ее в день, когда дон Пользинелли велел ему «заняться» мелким подрядчиком сицилийского происхождения, который старательно избегал всяческих контактов с криминалом. Едва услышав имя какого-нибудь мафиозо, он сплевывал и отметал любые сделки, предлагаемые посланцами местной семьи. В сущности, что такого от него требовалось? Да ничего особенного – одни подряды брать, от других отказываться, взамен же он получал солидных клиентов и охраняемые стройплощадки. Но нет, он не желал никакой протекции от своих единоверцев, публично оскорблял их и даже пожаловался властям на запугивание с их стороны; впрочем, это не помешало Джанни сломать ему плечо, как цыплячье крылышко. Однако тот продолжал упорствовать, снова подал жалобу на побои и увечья и дал интервью представителю местной прессы: он-де никогда не дрогнет перед этими скотами и мечтает о временах, когда справедливость восторжествует наконец в его стране – Соединенных Штатах Америки. Через неделю после этого Джанни получил приказ устроить маленькому подрядчику показательную казнь – чтобы другим было неповадно. Он применил классический метод, напоминавший о лучших временах преступного синдиката: два человека в машине, один – шофер, другой – исполнитель, стреляющий в упор. Это все равно что поставить подпись: ЛКН. Джимми Ломбардо и Джанни Манцони подождали жертву у выхода из бара, где, как всегда по пятницам, он пил после работы пиво со своими рабочими. Джимми, сидевший за рулем старенького «форда», угнанного за два часа до этого, выскочил из переулка в тот самый момент, когда тот тип переходил улицу. Джанни с идеальной точностью всадил ему три пули в область сердца, и «мустанг» на полной скорости скрылся в лабиринте улиц осеннего Ньюарка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/tonino-benakvista/malavita-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Дром – департамент на юго-востоке Франции, в регионе Рона-Альпы.

2

От ит. La Cosa Nostra – сокращение, принятое в ФБР для обозначения мафии.
(Примеч. автора.)

3

Баклажаны по-пармски (ит.).

4

Belle – красивая (фр.).

5

Веркор – горный массив в предгорьях Альп.

6

Рикотта – разновидность творога.

7

Чистильщик бассейнов (англ.).

8

Drug Enforcement Administration – Администрация по контролю за применением законов о наркотиках. (Примеч. автора.)

9

Центр подготовки сотрудников ФБР. (Примеч. автора.)

10

Закрытая пицца, рулет (ит.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tonino-benakvista/malavita-2-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)